This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG
3467
.17.K6

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Семенъ Юшкевичъ.

КОРОЛЬ.

Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

(Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ СПБ., Невскій, 92).

Ex MRC

Yushkevich, Semen Solomonovich

Семенъ Юшкевичъ.

КОРОЛЬ.

Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ,

Цѣна 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

Типографія Монтвида. Конная ул., д. № 3—5.

Семенъ Юшкевичъ.

Король.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Столовая въ домѣ Гросмана. Большая, просторная комната. Четыре окна на улицу, балконъ. Посреди длинный, дубовый столъ. Вдоль стѣнъ дубовые стулья съ высокими спинками. Надъ столомъ виситъ тяжелая бронзовая лампа. Двѣ двери: направо и налѣво Дверь съ лѣвой стороны ведетъ въ кабинетъ Гросмана, а съ правой въ другія комнаты. Съ правой же стороны колоссальный буфетъ и стѣнные часы въ деревянномъ футлярѣ. Нѣсколько картинъ—копій въ большихъ золоченыхъ рамахъ. У стѣны слѣва широкій кожаный диванъ съ высокой спинкой. Изъ оконъ видно море. Нѣсколько ближе вырисовывается большое зданіе мельницы съ высокой трубой посрединѣ. На диванѣ сидятъ Этель Гросманъ съ Женей. Этель высокая женщина въ пенюарѣ. Въ ушахъ бриллiантовыя серьги. На пальцахъ масса колецъ. Женя, высокая, стройная. Держитъ на колѣняхъ раскрытую книгу. Говоритъ всегда напыщенно. Ея жесты вульгарны... Голосъ крикливый, манерный...

Библіотека Гор. Самара

ЭТЕЛЬ.

Я и вчера говорила и сегодня говорю одно и то же. не надо было бросать дома.

ЖЕНЯ.

Я не могла болѣе терпѣть...

ЭТЕЛЬ.

Что значитъ, Женичка, не могла? Я не понимаю, что значитъ—не могла. Если надо,—то надо. Сегодня или завтра въ городѣ узнаютъ объ этомъ и о насъ начнутъ говорить. Всѣ злорадно скажутъ: дочь Гросмана бросила своего мужа. Отецъ вѣдь, слава Богу, имѣетъ враговъ.

ЖЕНЯ.

Но я же тебѣ говорю, мама, что не могла больше тянуть эту жизнь. Вставать по утрамъ и видѣть его заплывшіе глаза, его хищный ротъ...

ЭТЕЛЬ (перебиваетъ).

По-моему, Яковъ красивый мужчина.

ЖЕНЯ.

Чувствовать его грубость во всемъ: въ словахъ, въ тайныхъ мысляхъ, во вкусахъ; знать, что самый мозгъ его зараженъ пошлостью, и все-таки жить съ нимъ, стало невозможнымъ. Я случайно узнала о его связи съ моей бонной... Подумай, на кого онъ меня промѣнялъ? На какую-то грязную служанку! Я даже не страдала... отъ гордости. (Понизила голосъ) Но это, мама, еще не все.

ЭТЕЛЬ (со страхомъ).

Что же еще?

ЖЕНЯ (съ отвращеніемъ).

Онъ сталъ биржевикомъ! Биржевикомъ! Въ моемъ домѣ появились какіе-то странные, неопрятные люди... У него замѣтно уменьшилась практика. Больные вѣдь все замѣчаютъ... Подумай только, мама, кто началъ заниматься этимъ грязнымъ дѣломъ. Докторъ, интеллигентъ! Вѣдь это ужасно!

(Подноситъ платокъ къ глазамъ)

ЭТЕЛЬ.

Ему захотѣлось разбогатѣть.

ЖЕНЯ.

Я все скрывала отъ васъ. Съ перваго дня моего замужества онъ далъ мнѣ почувствовать въ чьихъ рукахъ моя судьба, мое достоинство. Онъ безконечно грубъ, циниченъ. Онъ равнодушенъ ко всему прекрасному, идеальному...

ЭТЕЛЬ.

Почему же ты не пришла къ своей матери и не разсказала?

ЖЕНЯ.

Случалось я по недѣлямъ не выходила изъ своей комнаты. Сидѣла и спрашивала себя: зачѣмъ же я училась въ гимназіи? Вѣдь я объ университетѣ мечтала. Нѣтъ, я не буду плакать... Я была такъ молода, когда выходила замужъ... Мнѣ нравилось быть взрослой, мнѣ хотѣлось, чтобы считались съ моими словами, я жаждала свободы! (Вытираетъ платкомъ глаза. Напыщенно) Свободы!

ЭТЕЛЬ (мрачно).

Всѣ думаютъ, что если человѣкъ очень богатъ, то онъ счастливъ!

ЖЕНЯ.

Счастливъ! О, мама! Я бы отдала всѣ свои брилліанты, свою квартиру за простую комнатку, лишь бы быть въ ней съ человѣкомъ, котораго уважаешь. У меня трое дѣтей. Они вырастутъ и у нихъ будутъ хищные рты. Они станутъ биржевиками. (Встаетъ) Никогда я не вернусь къ нему, никогда! (Подходитъ къ окну и выглядываетъ на улицу) Какъ здѣсь красиво. (Вздыхаетъ) Вотъ море, мельница...

ЭТЕЛЬ.

Я заставлю отца переговорить съ Яковомъ. Ты знаешь, отецъ не любитъ этихъ дѣлъ, но я его заставлю.

ЖЕНЯ (машетъ рукой).

Не надо! Вчерашнее для меня стало прошлымъ.

ЭТЕЛЬ (недовольно).

Вотъ это нехорошо, Женичка. Поссорились,—помиритесь! Мнѣ развѣ не случалось ссориться съ отцомъ? Но я знаю, когда уступить и когда стать вотъ такъ, и—какъ онъ ни богатъ—сказать ему: этого не будетъ, Давидъ!.. Уйти отъ мужа! А палками меня бы выгнали изъ своего дома? Что ты будешь у насъ дѣлать? Смотрѣть на стѣны или слушать разговоры о томъ, что на мельницѣ рабочіе забастовали?! Мы сами умѣемъ слушать. Подумать изъ-за чего? У мужа любовница! Какой мужъ не имѣетъ любовницъ? Что дѣлаетъ жена? Беретъ любовницу за косу, выбрасываетъ ее вонъ и конецъ. Что же еще? Онъ сталъ играть на биржѣ. Какое несчастье! Но ради кого онъ это дѣлаетъ? Ради тебя же. Больше денегъ,—больше платьевъ, больше брилліантовъ. Перестань, дурочка. Ты-то гони его отъ себя, пусть онъ и постоитъ на колѣняхъ передъ тобой, этотъ разбойникъ, но въ душѣ ты должна знать, что поѣдешь домой. (Умоляетъ) Женичка...

ЖЕНЯ.

Довольно, мама. Говорить такъ, значитъ не знать, что въ моей душѣ, что держу затаеннымъ въ мысляхъ.

(Этель удивленно разводитъ руками. Дверь справа медленно пріоткрывается и въ ней на мигъ появляется голова Эрша, потомъ скрывается)

ЭТЕЛЬ.

Кто это тамъ? Кажется, Эршъ? Женичка, пришелъ чужой...

(Дѣлаетъ ей знаки. Женя подходитъ къ окну, опирается о подоконникъ и мечтательно смотритъ на мельницу. Опять показывается голова Эрша. Онъ осторожно открываетъ дверь и останавливается на порогѣ. Въ рукѣ у него узелъ. Кланяется, заискивающе улыбается, но не рѣшается переступить дверей)

ЭРШЪ.

Здравствуйте... (Кланяется) Здравствуйте!

ЭТЕЛЬ,

Войдите же, Эршъ. Вы принесли шубу?

ЭРШЪ.

Я принесъ шубу.

ЭТЕЛЬ.

(невнятно, скороговоркой къ Женѣ).

Видишь, кто шьетъ отцу? Все тотъ же Эршъ. А почему? Потому что онъ шьетъ дешево. Мы сами когда-то были бѣдны и знаемъ, что деньги не валяются на улицахъ. Почему же не простить Якову? Пусть дѣлаетъ все, что хочетъ, лишь бы хорошо зарабатывалъ. Войдите же, Эршъ. Сколько разъ нужно просить?

ЭРШЪ
(входитъ, прихрамывая).

Вотъ я уже вошелъ. Господинъ Гросманъ дома?

ЭТЕЛЬ.

Давидъ дома, но теперь занятъ. О забастовкѣ вы вѣдь знаете? Вотъ онъ и сидитъ съ Германомъ въ кабинетѣ и работаетъ. Хорошія времена наступили, Эршъ,—нечего сказать.

ЭРШЪ.

Ну, я подожду. Что, у меня времени нѣтъ? Имѣю время. (Замѣтилъ, что Женя смотритъ на него) Здравствуйте.

ЖЕНЯ (неохотно).

Здравствуйте.

ЭТЕЛЬ.

У васъ есть время, Эршъ, а мнѣ жалко человѣка. Я всегда жалѣю рабочаго человѣка. Пойду и посмотрю, что дѣлаетъ Давидъ.

ЭРШЪ.

Нѣтъ, нѣтъ... Къ чему? Имѣю время. Я васъ прошу—не безпокойте ихъ. Это же человѣкъ! Такія дѣла, и вдругъ Эршъ съ своей шубой. Я васъ прошу. Они разсердятся, я потеряю языкъ, а шуба вѣдь не скажетъ, что она хорошо сшита. Вотъ я уже выхожу въ переднюю, уже сижу тамъ и уже никто не знаетъ, что я пришелъ...

ЭТЕЛЬ.

Такъ посидите здѣсь (Указываетъ ему мѣсто въ углу)

ЭРШЪ (твердо).

Могу постоять.

(Садится и старается сдѣлать видъ, что его нѣтъ въ комнатѣ. Этель переходитъ комнату и усаживается на стулѣ у лѣвой стѣны. Небольшая пауза)

ЭРШЪ.

Будетъ холодная зима... уже будетъ зима...

ЖЕНЯ (вскользь).

Если бы можно было уѣхать отсюда.

ЭТЕЛЬ.

Разскажите лучше, что въ городѣ слышно, Эршъ? Тихо? Вы должны все знать... Вотъ я выѣзжаю. Если Давидъ очень хочетъ, я сажусь въ свою карету и выѣзжаю. Но что можно изъ кареты видѣть или слышать? Вотъ, когда Давидъ работалъ на сахарномъ заводѣ...

ЭРШЪ

(перебиваетъ. Когда говоритъ, встаетъ).

Что значитъ? Развѣ я не помню, когда господинъ Гросманъ работали на сахарномъ заводѣ? Сколько разъ они у меня закусывали, когда возвращались съ работы. Спросите-ка у нихъ? Я тогда былъ молодъ и они были молоды...

ЭТЕЛЬ.

Объ этомъ, Эршъ, нужно уже забыть. Работалъ? Пусть работалъ. Но не кралъ, никого не ограбилъ. Былъ человѣкомъ, скопилъ деньги и купилъ мельницу. Развѣ у того же хозяина другіе не работали вмѣстѣ съ нимъ? А что они? Гдѣ они? Кто любитъ деньги, тотъ умѣетъ дѣлать деньги. Купилъ мельницу, потомъ перестроилъ ее, потомъ сломалъ и выстроилъ эту. Что же вы разсказываете, что онъ у васъ закусывалъ. Вы хотѣли, вы угощали... А онъ и тогда не нуждался...

ЭРШЪ (садясь).

Я ничего этимъ не думалъ.

ЭТЕЛЬ.

Я не говорю, что вы думали. Еще думать, что вы думали. Перестаньте! Такъ тогда, Эршъ, когда онъ еще работалъ на сахарномъ заводѣ, я обо всемъ знала, что дѣлалось въ городѣ. Обо всемъ.—И кто женится и кто развелся, и кого убили; а теперь я ничего не знаю.

ЖЕНЯ.

Зачѣмъ, мама, такъ много говорить?

ЭТЕЛЬ.

Почему много? Это вѣдь Эршъ. Не учи меня. Я сама знаю, съ кѣмъ и какъ, и сколько надо говорить.

ЭРШЪ

(хочетъ угодить обѣимъ. Всталъ).

Я ничего не слышалъ. Эршъ слышитъ? Много онъ можетъ услышать, когда вотъ здѣсь бьется, а тутъ дрожитъ... Я бы, кажется, пушки не услышалъ, если бы она даже выстрѣлила возлѣ моего уха.

ЭТЕЛЬ.

Такъ. (Киваетъ увѣренно головой) Значитъ, вы хотите сказать, что очень плохо?

ЭРШЪ (всталъ).

Плохо. Это тоже называется словомъ? Сидишь и шьешь. Шьешь? А что же дѣлать? Танцовать? Но гдѣ душа? Не о чемъ говорить...

ЖЕНЯ (заинтересованная).

Разскажите, Эршъ.

ЭРШЪ.

Считайте, что я разсказалъ. Такъ уже легче? И какое другое дѣло есть, какъ не бить еврея? Это какіе-нибудь люди? Это же звѣри! И теперь идетъ уже не на шутку. Теперь насъ всѣхъ вырѣжутъ. Что? Вы спрашиваете, какъ еврей не убѣгаетъ? Вотъ такъ онъ не убѣгаетъ. Куда ему бѣжать? Въ землю? въ Америку? къ Герцлю? Да, да, можно поблагодарить войну.

ЭТЕЛЬ.

Чѣмъ война виновата?

ЭРШЪ.

А кто же виноватъ? Я?..

ЭТЕЛЬ.

Разсказывайте, Эршъ. Ну, ну! Смотрите, какъ у меня похолодѣли руки. Онѣ стали холодны, какъ ледъ. Обо всемъ могу слушать, но когда услышу объ евреяхъ, у меня стынетъ кровь...

ЭРШЪ.

Что же еще сказать? Я уже все сказалъ. А дома я молчу? Говорю... Ну, такъ говорю! Много это помогаетъ. Сижу со своей женой и толкую: еврей долженъ сидѣть тихо. Богъ,—евреи!.. Что же они дѣлаютъ? Что они дѣлаютъ? И что это за бомбы, я васъ спрошу? Бомбы намъ нужны? Спрячьтесь въ норы и пусть вашего носа не увидятъ, когда въ странѣ такое происходитъ. Я кричу: евреи, сидѣть тихо! Зачѣмъ намъ эти демократы, эти оборванцы мальчишки, дѣвчонки, эти книжки? Они хотятъ биться головой о стѣнку,—пусть стѣнка бьетъ ихъ назадъ... Имъ нужна революція, пусть они и цѣлуются съ нею. А вы, оборванцы, влѣзьте въ свои норы и затаите дыханіе...

(Замѣтилъ, что сталъ очень развязнымъ, и оборвалъ)

ЖЕНЯ (вскользь).

Какой-то проклятый народъ, эти евреи. Скорѣе бы уже всѣхъ перерѣзали.

ЭТЕЛЬ.

Что же будетъ?

ЭРШЪ.

Вы хотите, чтобы я сказалъ, что будетъ? Хорошо попали! Ну хорошо, я скажу... Будутъ рѣзать. Даже два раза переспрашивать не надо.

(Входитъ Петя, 15-лѣтній гимназистъ съ собакой. Одѣтъ съ иголочки. Нетерпѣливый голосъ. Держится гордо)

ПЕТЯ.

Мама, дай мнѣ десять рублей. Байронъ, сюда! Кушь, ложись!

ЭТЕЛЬ

(съ любовью оглядываетъ его).

Зачѣмъ тебѣ, Петенька, десять рублей?

ПЕТЯ.

Стану я разсказывать. (Возится съ манжетомъ). Проклятая запонка. Если я говорю, что мнѣ нужно десять рублей, значитъ, мнѣ не нужно двадцати. Байронъ! Байронъ, сюда!

ЖЕНЯ.

Не понимаю, зачѣмъ мальчику могутъ быть нужны десять рублей?

ЭТЕЛЬ.

Конечно, Петенька. Въ среду ты взялъ у меня пять рублей. Вчера тоже пять. Я вѣдь не жалѣю денегъ. Но деньги вѣдь отецъ выдаетъ, а я не получаю у него тысячъ на недѣлю. Нѣтъ, нѣтъ, Петенька. Если бы отецъ узналъ, что я даю тебѣ столько денегъ, онъ бы меня убилъ. Возьми, Петенька, два рубля.

ПЕТЯ.

Отецъ, деньги!.. Ты всегда строишь изъ себя нищую, когда я прошу у тебя денегъ. И не хочу я, чтобы Женька вмѣшивалась. Какое ей дѣло? Сама тратитъ сотни на тряпки...

ЖЕНЯ.

Никогда я не тратила сотенъ на платья.

ПЕТЯ.

И почему она здѣсь поселилась? Теперь она будетъ во все вмѣшиваться... Байронъ! Байронъ! Пусть вернется къ своему милому мужу.

ЭТЕЛЬ.

Петя, Петенька! Здѣсь вѣдь чужой человѣкъ.

ПЕТЯ.

Хоть бы сто чужихъ было. Что правда, то правда. Я самъ былъ при томъ, когда она заплатила портнихѣ сто двадцать рублей за платье.

ЭТЕЛЬ (разсмѣялась).

Ну, и на здоровье. Мужъ заработалъ и купилъ ей. Дай Богъ, чтобы онъ могъ купить ей платье въ тысячу рублей. Петенька, возьми же два рубля. Возьми. Теперь на мельницѣ забастовка.

ПЕТЯ.

Знаю, знаю. Вы всегда вздыхаете. То цѣна на муку упала, то пшеница вздорожала, то забастовка. А касса полна денегъ. Я былъ вчера въ кабинетѣ и видѣлъ, какую кучу денегъ папа вложилъ въ кассу. Трудно вамъ дать десять рублей. И не хочу я разговаривать съ вами объ этомъ; я уже взрослый и у меня большія потребности. Папа платитъ десять рублей за сотню сигаръ, а я вѣдь не говорю, чтобы онъ курилъ сигары въ два рубля.

ЭТЕЛЬ.

Но зачѣмъ тебѣ столько денегъ? Дорогой мой, вѣдь я боюсь. Подумай—десять рублей! Петенька, сыночекъ, возьми три рубля.

ЖЕНЯ.

Богъ знаетъ, что изъ него выйдетъ.

ПЕТЯ.

Какое тебѣ дѣло? Что изъ тебя вышло? Училась, училась, и вышла замужъ за толстоносаго доктора. Хорошая карьера! А вотъ изъ меня что-нибудь выйдетъ. Я не буду вѣчно возиться съ рабочими, какъ Сашка. Я буду инженеромъ, папа дастъ мнѣ денегъ. Открою фабрику и покажу всѣмъ, кто я.

ЭТЕЛЬ.

Ну, Эршъ? Какъ ему не дать десяти рублей? Что скажете на моего сыночка? (Подходитъ къ Петѣ и цѣлуетъ его) Петенька, возьми пять рублей. Ну, для меня. Ты вѣдь любишь свою мать.

ПЕТЯ (холодно).

Десять.

ЖЕНЯ (съ досадой).

Ты его губишь, мама.

ЭТЕЛЬ

(вынимаетъ деньги изъ кошелька).

Уже погубила? Посмотрите на этого погубленнаго мальчика. Онъ бѣдненькій пьянствуетъ, лазитъ по карманамъ.

(Разсмѣялась. Цѣлуетъ его. Эршъ подобострастно улыбается).

ПЕТЯ

(вытираетъ платкомъ губы).

Всегда ты цѣлуешь прямо въ губы. Можно и въ щеки цѣловать.

ЭТЕЛЬ (смѣется).

Что скажете на моего послѣдненькаго, Эршъ?

(Даетъ ему деньги)

ЭРШЪ.

Скажу,—дай Богъ всѣмъ имѣть такихъ хорошихъ, красивыхъ дѣтей, какъ вашъ Петя. Ахъ, мадамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ! Почему одни счастливы и богаты, а другіе несчастны и бѣдны? Положимъ, я уже хорошо спросилъ. За такіе вопросы честные люди не должны меня впускать въ свой домъ. Но я вѣдь пришелъ оттуда. (Указываетъ пальцемъ на окно) Вотъ тамъ, за моей спиной, что-то плачетъ, что-то мучается. Мадамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ! Вѣдь это же наши братья—евреи! Потрудитесь и зайдите когда-нибудь къ

намъ. Вотъ изъ окна видно, гдѣ мы живемъ, и эти руины говорятъ, какъ мы живемъ.

ЭТЕЛЬ.

Я сама вышла оттуда.

ЭРШЪ.

Вы забыли... Но вѣдь это же наши братья, вотъ что я хочу сказать. Почему ругать ихъ, если они бросили работу? Кто соглашается голодать отъ радости? Ахъ, мадамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ! А плачъ этихъ святыхъ еврейскихъ женщинъ и этихъ бѣдныхъ дѣтей? И холодъ, и скорби и нищета! Кто эти трое, что ходятъ въ нашихъ домахъ?

ЭТЕЛЬ
(холодно и строго).

А кто велѣлъ имъ бросить работу? Что вы говорите, Эршъ? Вѣдь я могу подумать, что у васъ въ головѣ нехорошо, или что васъ подкупили! Какъ? Бороться съ Гросманомъ? Кто хочетъ бороться? Оборванцы, нищіе! Развѣ Гросманъ не былъ отцомъ всѣмъ рабочимъ на мельницѣ? Или вы такъ глупы, что думаете, забастовка намъ пользу приноситъ? Или вамъ нужно растолковать, что она насъ разоряетъ? Перестаньте, Эршъ. Пусть стонутъ. И скорби, и голодъ и нищета... Такъ имъ и слѣдуетъ.

ЭРШЪ (уныло).

Такъ, я уже не говорю. Конецъ. Я уже всего добился. Конецъ.

ПЕТЯ.

А когда вы, Эршъ, отрѣжете свою противную бороду?

(Подходитъ къ нему, дергаетъ его за бороду и смѣется. Эршъ подобострастно улыбается и несмѣлыми жестами пытается освободить ее)

ЭРШЪ.

Будьте здоровы. Зачѣмъ мнѣ срѣзать бороду? Я уже красивый.

ПЕТЯ.

А вотъ я вамъ отрѣжу кусокъ бороды. Мама, дай мнѣ ножницы.

ЭРШЪ.

Вы шутите, Петенька. Кому нуженъ кусочекъ еврейской бороды?

ЭТЕЛЬ.

Петенька! Ну, что ты скажешь, Женя? Перестань же?..

ПЕТЯ.

А я хочу! Непремѣнно евреямъ нужна вотъ такая борода. Оттого и мальчишки кричатъ намъ на улицѣ: ты—жидъ!..

ЭРШЪ.

Такъ кричатъ! Пусть кричатъ. А я смѣюсь надъ ними и иду своей дорогой. Я вѣдь знаю, кто правъ. Отпустите бороду, я васъ прошу.

ПЕТЯ (съ отвращеніемъ).

Противный народъ евреи. Байронъ, сюда!

(Быстро выходитъ. Эршъ скорбно смотритъ ему вслѣдъ; вздыхаетъ)

ЭТЕЛЬ.

Не обижайтесь на него. Вѣдь онъ еще мальчикъ. Вырастетъ и станетъ хорошимъ евреемъ, какъ всѣ мы.

ЭРШЪ.

Конечно, конечно, мадамъ Гросманъ. Теперь онъ еще немножечко дикій. Пусть живетъ и растетъ счастливымъ.

(Изъ комнаты слѣва доносятся голоса; одинъ громкій, хрипловатый другой высокій теноровый).

ЭТЕЛЬ.

Вотъ и Давидъ. Развяжите узелъ. Онъ не любитъ ждать.

(Входитъ Гросманъ и Германъ. Гросманъ высокій, плотный человѣкъ. Борода клиномъ, низко подстрижена. На пальцахъ массивныя кольца. Тяжелая цѣпь на жилетѣ. Куритъ сигару. Германъ бритый низенькій, толстый)

ГРОСМАНЪ.

Повторяю еще разъ, Германъ, что всему виной вы Не возражайте же.

ГЕРМАНЪ (робко).

Я не возражаю.

ГРОСМАНЪ.

Молчите же. Во всемъ вижу вашу вину. Но на этотъ разъ я прощаю. Не будемъ спорить: рабочій распустился! Теперь уже нѣтъ того рабочаго, который былъ прежде. Но но, но и но! Вы своей политикой совсѣмъ испортили ихъ.

ГЕРМАНЪ.

У меня была хорошая политика. Я думалъ...

ГРОСМАНЪ (рѣзко).

Вы думали! Не нужно было думать, а дѣлать... Съ рабочими можетъ быть только одна политика: строгость и строгость. Закапывать ихъ въ землю. Гдѣ же была ваша строгость? Вы, управляющій, способны были зазывать рабочаго въ контору и тамъ съ нимъ разговаривать. Я бы его позвалъ въ контору? Онъ бы у меня увидѣлъ контору? Эта политика стоила мнѣ въ прошломъ году десять процентовъ прибавки. Я сказалъ бы прямо, что вы меня разоряете (Къ Этель, которая подошла къ нему и потянула за рукавъ) Что такое?

ЭТЕЛЬ.

Давидъ, Эршъ здѣсь. Онъ принесъ тебѣ шубу.

ГРОСМАНЪ (сердито).

Какой Эршъ, какая шуба? Значитъ, я долженъ бросить всѣ дѣла ради какой-то шубы? Пусть подождетъ...

ЭТЕЛЬ (робко).

Ну, не сердись. Я думала, что можно. Эршъ уже давно ждетъ тебя.

ГРОСМАНЪ.

Такъ еще подождетъ. Городъ не горитъ.

ЭРШЪ (тихо).

Конечно, Эршъ подождетъ. Что значитъ? (Осторожно выходитъ)

ГЕРМАНЪ.

Вы ударили меня прямо по головѣ. Я вамъ служу вѣрно. Что же я дѣлалъ? Правда, иногда я бывалъ мягокъ. Но развѣ изъ любви къ нимъ? Я дѣлалъ все, чтобы расположить ихъ къ намъ. Если я выдавалъ имъ подъ праздникъ впередъ за работу, или зимой отпускалъ уголь по своей цѣнѣ, то не для того ли, чтобы они были покорны? Я былъ строгъ всегда и рѣдко добръ. Но то, что теперь происходитъ, идетъ помимо насъ. Теперь уже нельзя испугать рабочаго...

ГРОСМАНЪ (съ силой).

Можно.

ГЕРМАНЪ.

Въ странѣ революція...

ГРОСМАНЪ.

Это насъ не касается. Развѣ люди уже перестали жить? Лавки торгуютъ, люди кушаютъ. Задайте имъ революцію, если они этого хотятъ. Покажите, какъ можно подкупить рабочаго. У насъ есть средства. Уступокъ на этотъ разъ, Германъ, не будетъ. Никакихъ приба-

вокъ, никакого восьмичасового дня. Никакой врачебной помощи и другихъ глупостей.

ГЕРМАНЪ.

Мои люди уже работаютъ. Но рабочіе просто съ ума сошли.

ГРОСМАНЪ.

Мы ихъ вылѣчимъ. Подойдите-ка сюда (Отводитъ его въ сторону) Распустите слухъ, что я очень озлобленъ на рабочихъ и хочу остановить мельницу. Понимаете? Мозги у васъ имѣются въ головѣ?

ГЕРМАНЪ (покорно).

Имѣются.

ГРОСМАНЪ.

Не моргайте же глазами. Поговорите съ русскими рабочими и обѣщайте имъ что-нибудь. Надо напоить ихъ... А съ еврейскими рабочими не церемоньтесь. Что у васъ за противная привычка моргать, когда съ вами говорятъ. Приведите завтра ко мнѣ двухъ—трехъ... Я самъ съ ними поговорю...

ГЕРМАНЪ.

Уже иду и уже начну, какъ вы приказали (Голосъ его становится молящимъ) Господинъ Гросманъ, я вѣдь служу вамъ хорошей палкой. Вы, можетъ быть, думаете, что рабочіе любятъ меня? Боятся моего духа? Сколько разъ эти руки били рабочихъ ради вашихъ интересовъ? А убить меня не хотѣли? Вы же все знаете. Господинъ Гросманъ—я не виноватъ...

ГРОСМАНЪ.

Ну, ну, ступайте. Я васъ знаю. Ступайте и помните, что за эти пять дней я уже потерялъ три тысячи (Германъ удаляется, Гросманъ опять зоветъ его) Я раздумалъ. Ступайте на мельницу и подождите меня. Позовите Степана и Петра (Думаетъ) Ну, ступайте! Я уже самъ распоряжусь. Я только закушу и сейчасъ буду тамъ.

ГЕРМАНЪ.

Уже иду.

(Выходитъ)

ГРОСМАНЪ

(ходитъ по комнатѣ).

Я его заставлю танцовать на канатѣ. Онъ, дѣйствительно, не виноватъ, но всѣхъ ихъ, чертей, нужно въ рукахъ держать.

ЭТЕЛЬ.

Конечно. Они всѣ готовы утопить насъ въ ложкѣ воды. Германъ, навѣрное, хотѣлъ бы, чтобы ты служилъ у него управляющимъ, а не онъ у тебя.

ГРОСМАНЪ.

Пусть хотѣлъ бы! Ты не вмѣшивайся. Молчи! Кто сюда приходилъ?

ЭТЕЛЬ.

Эршъ принесъ шубу.

ГРОСМАНЪ.

Пусть идетъ къ чорту съ шубой. На мельницѣ теряю, теряю; съ домами возня... Шуба мнѣ теперь нужна? Ты говоришь, кто пришелъ? Эршъ? Ага! Ну, хорошо, пусть Эршъ идетъ сюда съ шубой. Онъ мнѣ кстати и нуженъ. Кажется, его сыночка зовутъ Мирономъ?

ЭТЕЛЬ.

Кажется.

(Выходитъ въ правую дверь)

ГРОСМАНЪ (къ Женѣ).

Что подѣлываешь, Женичка!

ЖЕНЯ.

Я здѣсь только второй день, папа, и уже не помню какъ я прожила эти четыре года. Все то же самое. Деньги, деньги и деньги...

ГРОСМАНЪ (смѣется).

Поѣзжай домой. Я тебя не выгоню, хотя и слѣдовало бы. Впрочемъ, я не вмѣшиваюсь.

ЖЕНЯ.

Домой? Никогда! Я лучше повѣшусь.

ГРОСМАНЪ

(удивленно смотритъ на Женю. Входятъ Этель и Эршъ).

Послушай-ка, Этель, что говоритъ твоя дочь! Хорошо, очень хорошо. Дѣйствительно, надо было дать ей въ приданое тридцать тысячъ рублей. Не лучше ли было-бы на эти деньги купить бумагъ или вложить ихъ въ мельницу? Ну, хорошо... Учите меня, учите. Маша уже такихъ денегъ не получитъ.

ЭТЕЛЬ.

Нужно тебѣ слушать, что она говоритъ.

ГРОСМАНЪ.

Я голоденъ. Скажи тамъ, чтобы принесли что-нибудь. Сейчасъ пойду въ мельницу. Покажите же шубу, Эршъ.

(Осматриваетъ ее. Этель выходитъ)

ЭРШЪ.

Это уже шуба. Это царская шуба.

ГРОСМАНЪ

(надѣваетъ шубу).

Ну что, Эршъ, дѣлаете деньги? Нѣтъ? По-прежнему не хотите? Ой, Эршъ, мы поссоримся съ вами изъ-за этого.

ЭРШЪ.

Что же дѣлать, господинъ Гросманъ. Не всѣ вѣдь такіе счастливцы, какъ вы. (Вздыхаетъ) Э, какъ-нибудь до могилы. Извините, здѣсь васъ не жметъ?

ГРОСМАНЪ.

Не жметъ...

ЭРШЪ.

И здѣсь тоже нѣтъ? (отступаетъ и оглядываетъ Гросмана) Въ этой шубѣ вы похожи на короля...

ГРОСМАНЪ (бормочетъ).

На короля... У васъ, кажется, есть сынъ, Эршъ, и двѣ дочери? Или два сына и одна дочь?

ЭРШЪ.

Два сына и одна дочь, господинъ Гросманъ, и всѣ мучаются, всѣ мучаются. Одинъ даже работаетъ у васъ на мельницѣ. Какъ же! Миронъ у васъ работаетъ.

ГРОСМАНЪ (холодно).

Можете передать ему, что его-то не примутъ обратно.

ЭРШЪ

(вздрогнулъ. Испуганно)

Его-то? Что значитъ, его-то?

ГРОСМАНЪ.

Значитъ. Будто вы, Эршъ, не знаете. По настоящему я бы не долженъ былъ принять у васъ шубы и самого, просто, выгнать. Какъ? Кормиться моей работой и допускать, чтобы сынъ на моей же мельницѣ устраивалъ забастовки? Какой же вы отецъ? и какой вы человѣкъ? Развѣ вы не могли хорошенько палкой побить его? Вы не могли сказать ему: собака, противъ кого ты бунтуешь? Противъ Гросмана, который всѣхъ насъ кормитъ?

ЭРШЪ (помертвѣвъ).

Господинъ Гросманъ, Господинъ Гросманъ...

ГРОСМАНЪ.

Вы не могли сказать ему; собака, ты хочешь, чтобы господинъ Гросманъ остановилъ мельницу? Такъ онъ ее остановитъ. Не бойся, собака, остановитъ! Всѣ будете съ голоду дохнуть. Возьмите шубу. (Таинственно) И сказать вамъ правду, Эршъ, я окончательно рѣшилъ,

если не утихнетъ, остановить мельницу. Спрошу васъ, зачѣмъ мнѣ мельница? Теперь революція, погромы висятъ въ воздухѣ, кто можетъ и кто не можетъ разъѣзжается. Возьму и я свою жену, дѣтей и уѣду въ Европу. Развѣ я съ моими деньгами не могу спокойно жить въ Европѣ?

ЭРШЪ.

Вы таки правы, господинъ Гросманъ. Я самъ имъ говорилъ: что вы, евреи, дѣлаете? Кому хотите вы зло сдѣлать? Еврею? Вѣдь намъ, евреямъ, нужно быть связанными, какъ пальцы на рукѣ. Такъ меня и послушали! Я вѣдь все знаю. Я прошу, я кричу: еврей не долженъ идти противъ еврея. Вѣдь въ этомъ все наше еврейство!

ГРОСМАНЪ (холодно).

Не говорите глупостей, Эршъ. Какое еврейство? Я не знаю никакого еврейства. Вы работаете,—я плачу. Вы не работаете,—я не плачу. Вотъ и все еврейство. А если правду сказать, то мнѣ русскіе рабочіе дороже еврейскихъ. Еврей всегда лѣзетъ съ своимъ еврействомъ. Рабочіе должны знать, что я хозяинъ, а они мои слуги...

ЭРШЪ.

Вы таки правы, господинъ Гросманъ. Но меня учили, что еврейство есть. Я такъ слышалъ... (Складываетъ шубу) Прошу васъ за моего сына, господинъ Гросманъ. Такое тяжелое время... Прошу васъ за моего сына.

ГРОСМАНЪ

(будто не слышитъ).

Когда вы принесете шубу?

ЭРШЪ.

Черезъ недѣлю или черезъ десять дней. Господинъ Гросманъ, прошу за сына. Хочу хорошее слово услышать.

ГРОСМАНЪ

(нарочно кричитъ).

Этель, гдѣ же закуска?

(Эршъ смотритъ на него, уныло качаетъ головой. Уходитъ. Входитъ Этель, за ней слѣдуетъ горничная съ большимъ подносомъ въ рукахъ)

ЭТЕЛЬ.

Это такая рыба! (Хлопочетъ около Гросмана. Обращается къ горничной) Принеси самоваръ.

(Горничная выходитъ. Гросманъ садится у стола, засовываетъ край салфетки за жилетку. Этель садится противъ него, сложила руки на груди, смотритъ, какъ онъ ѣстъ. Подаетъ ему то хлѣбъ, то ножъ, то лимонъ)

ГРОСМАНЪ

(сквозь зубы).

Ну, а ты?..

ЭТЕЛЬ.

Кушай, кушай. Найду, что поѣсть. Не ѣшь такъ быстро. Ты когда-нибудь подавишься! (Онъ кашляетъ) Вотъ ты уже закашлялся. Дай-ка я переберу рыбу. (Онъ молча жуетъ) Дать еще лимона?

ГРОСМАНЪ.

Дай лимонъ. Женя, ты не хочешь?

(Она садится у стола и отрицательно киваетъ головой)

ЭТЕЛЬ.

Ну, что будетъ?

ГРОСМАНЪ (раздраженно).

Не спрашивай меня! Когда я молчу, молчи тоже. Я имъ покажу забастовку. Я изъ нихъ всѣ жилы вытяну, такая это будетъ забастовка. Кто поднялъ носъ? Мироны, Иваны!..

ЭТЕЛЬ.

Изъ-за этой смуты всѣ низкіе поднимаютъ носъ.

ЖЕНЯ.

Папа!

ГРОСМАНЪ.

Я имъ покажу носъ... Подумаешь, что случилось? Мироны и Иваны вздумали отдыхать. Какъ будто у нихъ мало времени, чтобы попьянствовать, пошарлатаничать? Дай имъ восьмичасовой рабочій день! А болячекъ не возьмете?

ЖЕНЯ.

Папа, выслушай меня хоть одинъ разъ...

ЭТЕЛЬ.

Съ евреями, Давидъ, надо быть подобрѣе.

ГРОСМАНЪ (сердито).

Почему съ еврями? Развѣ они мои родственники? А если и родственники? Значитъ, я долженъ отдать имъ свое богатство? Вотъ почему я не люблю разговаривать съ тобой. Что такое еврей? Нахалъ! Что еще? Собака, дерзкій. Ему первому все не нравится (Саркастически смѣется) Еврей! Вѣдь это же язва! Спроси-ка у меня, кто портитъ моихъ русскихъ рабочихъ. (Женя встала. Ходитъ по комнатѣ) Гдѣ же сладкое?

ЭТЕЛЬ.

Вотъ сладкое. Почему ты разсердился? Ты какъ спичка, Давидъ. Что же я сказала? Еврей вѣдь мнѣ ближе, и я сказала. А для меня пусть у нихъ всѣхъ болячки посѣдаютъ въ горлѣ, если они желаютъ намъ зла.

ГРОСМАНЪ (ѣстъ сладкое).

Они хотятъ двадцать пять процентовъ прибавки и смѣны. Знаешь, во что это обойдется мнѣ, если на мельницѣ работаютъ свыше ста человѣкъ? Чистые пу-

стяки. Что-то около двадцати пяти тысячъ въ годъ, если не больше.

ЭТЕЛЬ.

Чума бы ихъ унесла! Сломали бы они себѣ руки и ноги.

ГРОСМАНЪ.

Не кричи. Вотъ ты уже кричишь. Надо быть хладнокровнымъ. Они хотятъ! Этого еще мало, что они хотятъ. А гдѣ же я? Мнѣ только немного мѣшаетъ эта глупая революція, а то я бы имъ показалъ, кто такое Гросманъ. Если бы не революція! Чего тебѣ, Женичка?

(Вытираетъ усы. Горничная вноситъ самоваръ. Входятъ Вайцъ и Маша)

ЖЕНЯ.

Нѣтъ, ничего, пана. Мнѣ уже ничего не нужно.

ГРОСМАНЪ.

Не нужно? Такъ не нужно! Этель, дай мнѣ стаканъ чаю. (Смотритъ на часы, подаетъ руку Вайцу) Что новаго Вайцъ? Какъ идутъ занятія съ Петей.

ВАЙЦЪ.

Какъ всегда, господинъ Гросманъ. Онъ немножко лѣнится, но удивительно способный.

ГРОСМАНЪ.

Ну, это ваше дѣло. Главное, чтобы мозгъ у него развился. Мнѣ не нужно высшаго образованія, сумасшедшихъ знаній. Это все пустяки. Я уже вижу, что изъ Саши выйдетъ. Главное въ жизни — голова для оборотовъ. Вѣдь я самъ былъ простымъ рабочимъ, а математику знаю не хуже учителя. Въ политикѣ и въ соціальномъ вопросѣ поспорю съ знатокомъ. На ходу всему выучился.

ВАЙЦЪ.

Я знакомъ съ вашими взглядами и дѣлаю, что могу.

ГРОСМАНЪ

(уже забылъ о немъ. Пьетъ чай, разговариваетъ съ Этель).

Мнѣ бы только до главныхъ зачинщиковъ добраться.

(Говоритъ тихо).

МАША.

Какъ скучно... (Ломаетъ пальцы) Здѣсь, Вайцъ, и воздухъ, какъ въ тюрьмѣ. Когда онъ... (указываетъ на отца) говоритъ,—мнѣ начинаетъ казаться, что я схожу съ ума. Деньги, деньги, рабочіе, мельница... Повернитесь къ нему спиной и не слушайте. Повернитесь, я такъ хочу. Отъ дыханія его падаютъ люди.

ВАЙЦЪ (тихо).

Милая Маша, онъ можетъ услышать.

(Повернулся спиной къ Гросману)

МАША (упрямо).

Пусть услышитъ! Я бы наконецъ высказала ему все, все... И однако, Вайцъ, люблю его, ее... (указываетъ на мать) Какъ странно!

ВАЙЦЪ.

Мама вамъ даетъ чай.

МАША.

Чай? Ахъ, хорошо. (Засмѣялась) Буду пить чай.

ЭТЕЛЬ.

Ты сегодня блѣдна, Машенька.

МАША.

Блѣдный цвѣтъ лица очень интересенъ. Онъ нравится офицерамъ.

ВАЙЦЪ (съ упрекомъ).

Зачѣмъ вы такъ говорите?

(Старики тихо разговариваютъ).

МАША.

Хочу... Дайте потихоньку вашу руку. (Устало) Нѣтъ,

не надо. Мнѣ хочется чего-то страшнаго, мучительнаго... криковъ. Я хотѣла бы, чтобы всѣ кричали отъ боли... Слышите, опять: деньги, деньги. Папа, сколько ты сегодня заработалъ?

ГРОСМАНЪ.

Я ежедневно теряю шестьсотъ рублей.

МАША.

Такъ мало? (Киваетъ головой) Какъ хорошо было-бъ, если бы ты обѣднѣлъ!

ГРОСМАНЪ (солидно).

Не говори глупостей.

МАША.

Хочу говорить глупости. Развѣ здѣсь можетъ придти въ голову что-нибудь умное? Спроси у меня хоть разъ, что я дѣлаю по цѣлымъ днямъ? Кончила гимназію и жду жениха, которому ты дашь пятьдесятъ тысячъ или двадцать тысячъ, какъ тебѣ будетъ выгоднѣе.

ЭТЕЛЬ.

Перестань, Машенька.

МАША.

Развѣ это неправда?

ГРОСМАНЪ (равнодушно).

Приданое зависитъ отъ мельницы. Можетъ быть, пятьдесятъ тысячъ, а можетъ быть, и двадцать.

МАША.

Все мельница, мельница, а отца какъ будто и нѣтъ...

ГРОСМАНЪ.

Не серди меня. Мельница? Что вы въ ней понимаете? Мельница не ты, и не я. Она выше всѣхъ насъ. Отъ нея кормится сто двадцать рабочихъ и шестьдесятъ служащихъ,—съ семьями это семьсотъ человѣкъ.

Она вырабатываетъ три тысячи пудовъ въ день, кормитъ сотни купцовъ, тысячи пекарей и десятки тысячъ людей. Мой хлѣбъ ѣдятъ въ Америкѣ и въ Европѣ. Твоя жизнь въ рукахъ мельницы, Маша! А всѣхъ этихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей? Кто даетъ хлѣбъ, радость и надежду? Мельница! Кто можетъ жениться, если мельница не хочетъ? Пусть мельница сгоритъ, и пропадетъ тысяча душъ. Вотъ что такое мельница.

ЭТЕЛЬ (съ гордостью).

Мы отдали ей всю жизнь. Нашими жилами двигаются ея колеса. Вся наша молодость, здоровье и силы разбросаны тамъ въ каждомъ уголку.

ГРОСМАНЪ (съ презрѣніемъ).

Мы, мы! Перестань разговаривать. Пойдемъ, я переодѣнусь. Подумаю и, можетъ быть, поѣду къ полицмейстеру.

(Выходитъ)

МАША (съ ужасомъ).

Мнѣ иногда кажется, что они сумасшедшіе.

ЖЕНЯ.

Въ моемъ домѣ не лучше.

ВАЙЦЪ (встаетъ).

Я, можетъ быть, здѣсь лишній?

ЖЕНЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, Вайцъ, я рада новому человѣку. Вы можете понять меня. Вѣдь уже ни для кого не тайна, что мой мужъ врачъ-биржевикъ и что я бросила его.

МАША.

Почему евреи такъ любятъ деньги, дѣла? Отецъ сказалъ бы: не говори глупостей. А я отвѣтила бы ему: потому насъ и бьютъ, рѣжутъ.

ВАЙЦЪ.

Не потому.

МАША.

Потому. Не спорьте. Я такъ хочу. Я сама себѣ противна. Мнѣ кажется, что я набита бумажками и что въ крови моей течетъ растворенное золото. Ненавижу евреевъ.

ВАЙЦЪ.

Вы такъ быстро возбуждаетесь...

МАША.

Я завидую вамъ: вы свободны.

ВАЙЦЪ.

Не завидуйте. Если человѣкъ чувствуетъ себя гражданиномъ, какъ я, и не бросается съ головой въ революцію, а учительствуетъ, онъ жалокъ! Вотъ льется кровь. Но человѣческая кровь на мнѣ,—никогда! Мои руки въ крови,—никогда! Гиганты духа стаями опустились надъ страной, а я, Маша, въ сторонѣ. Быть сыномъ своего народа, вѣрить въ его творческія силы, знать, что въ революціи его исцѣленіе и держаться вдали,—позоръ.

ЖЕНЯ.

Почему же вы не заставите себя?

ВАЙЦЪ.

Это легче сказать. На моихъ рукахъ большая семья: слѣпой отецъ, старая мать, братья, сестры. Съ тѣхъ поръ, что я помню себя, я работалъ на нихъ. У меня не хватало времени на самое необходимое. Я—мечталъ о службѣ народу и превратился въ клячу.

ЖЕНЯ.

Мнѣ жаль васъ, Вайцъ. Вотъ вы несчастны и я... Подадимъ другъ другу руку.

МАША.

Когда вы говорите о нашемъ народѣ, котораго всегда оплевывали, всегда били и теперь рѣжутъ, я чувствую ненависть къ вамъ. Всѣми презираемый,— нашъ народъ? Я завидую, Вайцъ, каждому христіанину, я завидую собакѣ христіанина.

ЖЕНЯ.

Ты сумасшедшая.

ВАЙЦЪ.

Есть утѣшеніе, Маша. Мы, всѣ слабые, немощные, сольемся съ народомъ и будемъ страдать съ нимъ. Мы не умѣемъ хотѣть, смѣшаемся съ массой. Пусть и насъ уничтожатъ.

МАША.

Нѣтъ, нѣтъ. Вотъ я ихъ вижу всѣхъ, жалкихъ, оплеванныхъ, ненавидимыхъ... Страдать съ евреями? Нѣтъ! пусть ихъ вырѣжутъ. Лучше пойти къ христіанамъ и сказать: умертвите насъ.

ЖЕНЯ.

Почему любить насъ, если мы сами себя ненавидимъ?

МАША.

Въ моей душѣ тоска. Посмотрите на эти комнаты. Ихъ здѣсь двѣнадцать и ни одной уютной, человѣческой. Все грубо, пошло. Здѣсь обитаютъ вампиры.

(Сидитъ мрачно. Пауза. Входятъ Гросманъ и Этель. Гросманъ въ сюртукѣ)

ЭТЕЛЬ.

Ну, поѣзжай уже. Ты и такъ много времени потерялъ.

(Входитъ Розеновъ. Онъ средняго роста, изысканно одѣтъ, въ пальто. Въ рукѣ палка. Носитъ пенс-

нэ. Всѣ смущены. Вайцъ выходитъ. Женя убѣгаетъ въ кабинетъ)

РОЗЕНОВЪ

(громко, вслѣдъ Женѣ).

Женя, Женя!

ЭТЕЛЬ.

Что же ты, Яковъ, даже здравствуйте не скажешь?

(Хочетъ взять у него палку и шляпу)

РОЗЕНОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, мама. Я зашелъ только на минутку.

ЭТЕЛЬ.

Все-таки можно отдать шляпу и палку...

ГРОСМАНЪ.

Зачѣмъ ты пристаешь къ нему? Не хочетъ,—и не надо.

ЭТЕЛЬ (робко).

Сказать правду, Яша, я этого не ожидала отъ тебя. Это не идетъ къ тебѣ. Ты образованный человѣкъ, ты докторъ...

РОЗЕНОВЪ

(прерываетъ ее).

А я отъ васъ не ожидалъ такихъ дѣйствій.

ГРОСМАНЪ (сердито).

Какихъ дѣйствій?

ЭТЕЛЬ.

Ну, вотъ уже и мы виноваты. Я такъ и знала, что ты это скажешь. Яковъ, ты вѣдь меня называешь мамой. Будь со мной какъ съ матерью. Душа вѣдь болитъ и за тебя, и за нее.

РОЗЕНОВЪ.

Почему же вы ей позволили остаться здѣсь?

ГРОСМАНЪ.

Не задавай намъ вопросовъ и мы тебѣ не будемъ задавать. Я не хочу ничего знать. Я выдалъ ее за тебя и отсчиталъ тридцать тысячъ рублей. Я устроилъ такую свадьбу, которую будутъ помнить въ городѣ двадцать лѣтъ. А дальше не мое дѣло. Вотъ это я хотѣлъ сказать тебѣ. Дѣлайте, что хотите, но меня оставьте въ покоѣ.

ЭТЕЛЬ.

Дорогой Яша, помирись съ ней. Она вѣдь молодая женщина. Выросла въ нѣжности, всѣ ей прислуживали. Пойди къ ней...

РОЗЕНОВЪ.

Но развѣ я поссорился съ ней? Вамъ надо вникнуть въ нашу жизнь. Женя очень странная женщина. (Разстегнулъ пальто. Ходитъ по комнатѣ) Я не понимаю ее. То она запиралась въ своей комнатѣ и по цѣлымъ недѣлямъ ее нельзя было выманить оттуда. Вѣдь это невозможно. Подумайте, жена, которую мужъ по недѣлямъ не видитъ. Я самъ нѣсколько разъ собирался поговорить съ вами. Иногда она начинала швырять деньгами. Что же это такое? Тесть, вы вѣдь знаете, что деньги не падаютъ съ неба. Вѣдь если бросать деньги направо и налѣво, какъ она, бывало, дѣлаетъ, то не только моей практики и вашихъ тридцати тысячъ не хватитъ, но можно и Блейхредера разорить.

ГРОСМАНЪ.

Вотъ я и правъ, когда говорю, что не хочу знать вашихъ дѣлъ.

РОЗЕНОВЪ.

Войдите же въ мое положеніе. Я тяжелымъ трудомъ зарабатываю деньги, и мой трудъ топчутъ ногами. Со мной разговариваютъ, какъ съ мужикомъ, меня упрекаютъ въ мѣщанствѣ, въ скупости. Позвольте, ка-

жется, я окончилъ университетъ и могу знать цѣну всѣмъ этимъ возвышеннымъ разговорамъ о мѣщанствѣ, объ идеалѣ. Въ правѣ ли я желать, чтобы въ моемъ домѣ было тихо? Подумайте же, тесть. Бросила дѣтей... На что это похоже? Хорошо еще, что моя мать согласилась присмотрѣть за домомъ и что насъ не бросила... эта добрая бонна. Теперь нужно бояться, чтобы скандалъ этотъ не огласился.

ЭТЕЛЬ (покорно).

Хорошо, я пойду къ ней. Только, Яковъ... ты вѣдь тоже не правъ. Машенька, пойди къ себѣ. Мнѣ надо поговорить о томъ, чего дѣвушкѣ нельзя знать и слушать.

МАША.

Не хочу.

РОЗЕНОВЪ.

Пожалуйста, пожалуйста, мама, безъ интимностей. Все остальное,—наше дѣло, и я никому не позволю вмѣшиваться...

ЭТЕЛЬ (покорно).

Хорошо, не буду вмѣшиваться... Только ты, Яковъ, долженъ уступить ей. Ты долженъ. Ты старшій, а старшій всегда умнѣе и уступаетъ.

ГРОСМАНЪ

(съ скучающимъ лицомъ).

А мнѣ пора. Устраивайтесь, какъ знаете. (Подаетъ руку Розенову)

РОЗЕНОВЪ.

Прощайте, тесть.

ЖЕНЯ.

(показывается въ дверяхъ кабинета).

Мама, я не хочу, чтобы ты съ нимъ разговаривала. Выгони его. Не хочу знать ни его, ни его дѣтей, ни

его родственниковъ! Его мать, когда приходитъ, изводитъ меня.

РОЗЕНОВЪ.

Женя, Женя, постыдись же...

ЖЕНЯ (у дверей).

Не хочу стыдиться. Начни ты первымъ. Ты врачъ и сталъ биржевикомъ. А я не хочу жить съ биржевикомъ.

РОЗЕНОВЪ

(обращаясь къ старикамъ).

Что вы скажете о ней? Вотъ такія сцены происходятъ у насъ ежедневно.

ГРОСМАНЪ (съ досадой).

Оставьте вы меня всѣ въ покоѣ... (Быстро уходитъ)

МАША (съ ироніей).

А полгорода завидуетъ нашему счастью. (Выходитъ)

ЭТЕЛЬ.

Женичка, прошу тебя. Послушай свою старую мать.

ЖЕНЯ.

Пусть онъ уйдетъ... Вы еще не знаете его. На словахъ онъ всегда выйдетъ правымъ. Нужно его увидѣть дома. Это звѣрь. Онъ уже угрожалъ мнѣ кулаками. Да, да, кулаками. За кого вы меня выдали? (Истерично заплакала) Служанку мою сдѣлалъ своей любовницей.

ЭТЕЛЬ.

Женичка, Женичка...

РОЗЕНОВЪ (въ гнѣвѣ).

Съ какимъ удовольствіемъ я бы убилъ тебя. Предательница!.. Шарлотта Кордэ!.. Несчастенъ тотъ, кто рѣшается жениться на богатой дѣвушкѣ изъ простого ...аго дома.

ЭТЕЛЬ

(обнявъ Женю).

Кто грубый? Чтобъ у тебя языкъ отнялся! Скажите, пожалуйста! Его просили жениться на ней! Отъ тебя вѣдь, какъ отъ піявки, нельзя было отвязаться, когда ты ее увидѣлъ. Грубаго дома! А ты изъ какой семьи? Твой отецъ былъ лавочникомъ,—пусть честнымъ, но твоя мать? Вѣдь весь городъ знаетъ, что она подожгла свой домъ. Безсовѣстный! Онъ еще учился въ университетѣ! Взять такую нѣжную дѣвушку и замучить ее. Ты со мной поговори. На чьи деньги ты грязь свою обмылъ?

РОЗЕНОВЪ (внѣ себя).

Сама ты безсовѣстная! Не смѣй такъ разговаривать со мной... (готовъ броситься на нее)

ЖЕНЯ (вскрикнула).

Вонъ, вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ

(быстро входитъ. Онъ въ черной косовороткѣ,подпоясанъ шнуркомъ).

Что тутъ за крикъ? Какъ вамъ не стыдно? Яковъ, Женя!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Окраина. Низенькое одноэтажное строеніе. Слѣва уголокъ улицы.— темный, непривѣтливый. Смутное очертаніе руинъ. Изъ тьмы выплываютъ тѣни людей и исчезаютъ. Далеко на небѣ застылъ тонкій рогъ луны. Силуэтъ мельницы и ея трубы отчетливо выдѣляются и какъ бы царятъ здѣсь. Поверхъ руинъ справа и далеко домъ Гросмана. Окна освѣщены. Вся картина мрачная, тяжелая. Квартира Эрша. Небольшая комната съ одной дверью направо въ кухоньку. Слѣва длинный портняжескій столъ. Эршъ въ очкахъ, разложивъ на столѣ шубу, стоя работаетъ. Въ правомъ углу сапожникъ Шмиль прилаживаетъ подметку къ башмаку. Передъ нимъ низенькій столикъ, покрытый кожей. На столикѣ сапожный инструментъ. Недалеко отъ Эрша на скамеечкѣ сидитъ Ветя и клеитъ коробочки. Жена Эрша, Роза, высокая старуха съ пергаментнымъ лицомъ, въ цвѣтной косынкѣ, вяжетъ чулокъ. Посреди комнатки столъ, за которымъ сидитъ старшій сынъ Эрша, Миронъ, и ужинаетъ. Комната освѣщается двумя лампами. Одна виситъ на стѣнѣ надъ Эршомъ, другая маленькая на кожаномъ столѣ Шмиля. Остальная обстановка жалкая. На полу соръ. Чувствуется тѣснота, спертый воздухъ и трудъ. Два оконца заклеены бумагой; оба выходятъ на улицу.

ЭРШЪ

(рѣжетъ ножницами).

Такого времени я не запомню. Вотъ тебѣ и время. Чтобы еврей шелъ противъ еврея. Этого никогда не было. Бывало, случится, рабочій поспоритъ съ хозяиномъ. Такъ поспоритъ. Чѣмъ же кончалось? Хозяинъ выгонялъ рабочаго, и былъ конецъ и было тихо...

МИРОНЪ (ѣстъ).

Это время уже не вернется.

БЕТЯ.

Сварила я хорошій клейстеръ. Придется таки его выбросить. Я его слишкомъ рано сняла съ огня.

РОЗА

(почесала спицей въ вискахъ).

Когда вы всѣ летите... Что такое? Горитъ? Нигдѣ не горитъ. Сдѣлала бы медленно,—не пропалъ бы матеріалъ.

БЕТЯ.

А ты хочешь отдыхать? Я тоже хочу. Можетъ быть, меня колетъ во всѣхъ мѣстахъ отъ сидѣнія. Наработалась, какъ хорошая лошадь за цѣлый день,—пусть хоть вечеръ будетъ моимъ. Нѣтъ, вечеръ есть у господъ... Развѣ у меня не такая же душа, какъ у нихъ? Но нѣтъ. Работай и работай.

РОЗА.

Въ твои годы я работала двадцать четыре часа въ день. Раскричалась!..

БЕТЯ.

Ты много выиграла отъ этого. Посмотри-ка, въ какихъ палатахъ ты живешь. Отложила тысячи на старость. Отецъ не работаетъ, мы не мучимся, ты сохранила здоровье, и совсѣмъ не кашляешь часами по ночамъ. Не говори глупостей. Ты и теперь живешь только, чтобы служить... этимъ звѣрямъ.

РОЗА.

Что правда, то правда. Кашель таки добиваетъ меня но я не жалуюсь.

БЕТЯ.

Всякій знаетъ, что ты выжила изъ ума. Стану еще тратить время на разговоры съ тобой.

(Выходитъ и уноситъ кастрюльку съ клейстеромъ)

РОЗА

(качаетъ головой).

Вотъ и разговаривай съ ними. Я сумасшедшая!.. Почему не они? Если я не ненавижу городъ и богачей и не кричу, что ихъ нужно уничтожить, то меня нужно выкинуть въ сорный ящикъ.

ЭРШЪ.

Зачѣмъ эти пустые разговоры? Дай работать спокойно. Богатый долженъ быть богатымъ, а бѣдный— бѣднымъ. Возьми, Роза, парусину и намочи ее. (Достаетъ изъ шкафчика парусину) Такъ должно быть. Сколько міръ существуетъ,—такъ было. И больше не о чемъ говорить. Есть сильные звѣри и есть слабыя животныя.

РОЗА.

Дай уже парусину. Я едва на ногахъ держусь. Зачѣнныя руки, умирающія ноги и яма передъ глаами. Имъ жалко? Есть большой сынъ, но онъ ѣстъ.

Возьми ты парусину и намочи. Развѣ для моихъ рукъ выжать изъ нея воду?

МИРОНЪ.

Вотъ покушаю и сдѣлаю.

ШМИЛЬ

(говоритъ въ носъ).

Сядьте же, Роза. Что вы всегда торопитесь? Говорятъ же вамъ, что сдѣлаютъ.

РОЗА.

А я не хочу. У насъ развѣ ихъ сердца? Мнѣ вѣдь его жалко. Каждой косточки Мирона мнѣ жалко. Вотъ мой Михель еще въ солдатахъ. Оторвали бѣдненькаго отъ жены, отъ дѣтей. Война уже кончилась, а онъ все еще гдѣ-то пропадаетъ. Жена и дѣти умираютъ съ голоду, лежатъ на нашихъ плечахъ. А кто плачетъ по ночамъ? Мать!.. Они могутъ быть только... демократами...

БЕТЯ (возвращается).

Теперь клейстеръ хорошъ. Если меня не будутъ отрывать отъ работы, то я черезъ два часа кончу. Который часъ? (Садится) Спина такъ ноетъ, что не могу и разогнуться.

РОЗА.

Но я все-таки не могу тебѣ помочь. Я не понимаю этой работы. И руки дрожатъ. Возьму картонъ въ руки и такъ его верчу, и такъ,—что я могу понять?

БЕТЯ.

Тебя никто не проситъ.

ЭРШЪ.

Ну, иди же. Ты только намочи парусину, а я ее уже самъ выжму.

(Роза медленно, шаркая, выходитъ)

БЕТЯ (работаетъ).

Сегодня забастовали на чайной и на пробочномъ заводѣ. Хотѣла бы знать, когда уже это начнется и у насъ? Никогда не начнется. Развѣ наши дѣвушки люди? Это скотъ. Кажется, я раньше посѣдѣю, чѣмъ наши сдѣлаются сознательными.

ЭРШЪ.

Попросилъ бы тебя не разсказывать о забастовкахъ. Не хочу слушать въ моемъ домѣ о забастовкахъ. Онѣ у меня уже вотъ гдѣ сидятъ. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ, лишь бы я не зналъ этого. Ты смѣешься, Миронъ? Работаешь и умираешь съ голоду, но что будетъ, когда и работать перестанете? Спасибо Гросману за шубу. Мы еще имъ только и держимся.

МИРОНЪ.

Перестань отецъ. Дай ей разсказать. Ты уже пожилъ, а мы только начинаемъ... Развѣ рѣчь идетъ только о насъ, о ней, о тебѣ или обо мнѣ? Рѣчь идетъ обо всемъ рабочемъ классѣ, о счастьи всего народа. Развѣ ты не видишь и не понимаешь, что кругомъ происходитъ?

(Продолжаетъ ѣсть)

ЭРШЪ.

Понимаешь? Понимаю!.. У меня еще столько ума, сколько у тебя. Ну, а если я боюсь? Кого я боюсь? Я боюсь чертей. Все это пахнетъ чертями. Кто-кто, а евреи заплатятъ таки кровью за эти забастовки, за эти революціи... Ихъ-то бросятъ на костеръ... А твоя жизнь не въ опасности?.. Я вѣдь изъ-за тебя по ночамъ не сплю...

МИРОНЪ.

Убиваютъ же другихъ. Чѣмъ я дороже? За то отдамъ жизнь за рабочій классъ.

ЭРШЪ.

Такъ я пойду танцовать, что за рабочій классъ. Ты хорошо сказалъ. А что вернетъ мнѣ за сына рабочій классъ? Я ему плюну своей кровью въ лицо. Что вернетъ? Его кости? Но если бы ты шелъ своимъ путемъ, какъ шелъ я, то ты не братался бы съ русскими, заработывалъ и было бы хорошо и тебѣ, и намъ.

ШМИЛЬ.

Ай, ай, ай, Эршъ! Вотъ тутъ уже вы говорите криво. Вы прошлись, какъ хромой.

МИРОНЪ (встаетъ).

Въ нашей борьбѣ нѣтъ ни русскихъ, ни евреевъ, а есть рабочіе и эксплуататоры.

ЭРШЪ

(къ Шмилю).

Что значитъ—криво, Шмиль? Покажите не криво. Мы развѣ не работали, не мучились и не мучаемся? Но покажите, когда это было, чтобы мы браталисъ съ русскими? Вы браталисъ когда-нибудь съ русскими? Слава Богу, прожили больше пятидесяти лѣтъ и никогда съ русскими дѣлъ не имѣли. Дѣйствительно, мы покупаемъ матерьялъ у русскихъ, или они у насъ, живемъ иногда сосѣдями, говоримъ имъ здравствуйте или прощайте, но это вѣдь не связь? Они живутъ отдѣльно и мы отдѣльно. Что же вы говорите, Шмиль? Вѣдь вы человѣкъ въ лѣтахъ. Можетъ быть, вамъ еще нравится, что евреи борятся съ евреями? Что? Конечно, развѣ есть лучше дѣло, какъ сдѣлать нищимъ богатаго еврея? Я не понимаю, кто изъ насъ сумасшедшій. А сговариваться съ русскими рабочими противъ еврея тоже хорошо? Это вѣдь опрокинутый свѣтъ! Теперь спрошу васъ, что бы вы, Шмиль, сдѣлали на мѣстѣ Гросмана?

ШМИЛЬ.

Я бы себя высѣкъ.

ЭРШЪ

(съ досадой).

Ну, вы вѣдь извѣстный сумасшедшій. Съ вами вѣдь нельзя разговаривать по-человѣчески. (Къ Мирону) Вотъ я просилъ за тебя господина Гросмана. Онъ даже отвѣтить мнѣ не хотѣлъ. Онъ даже отъ гнѣва затрясся, когда услышалъ твое имя. Хорошо ли это, Миронъ? Одного заказчика имѣю и того ты долженъ прогнать.

МИРОНЪ.

Зачѣмъ же ты просилъ? Ты вѣдь долженъ знать, что это не люди, а звѣри. Кто задавилъ всѣхъ насъ? Они! Кто сдѣлалъ всѣхъ насъ забитыми, испуганными, кто сотни лѣтъ высасывалъ изъ насъ мозгъ и кровь? Они!.. Ты вѣдь долженъ это знать.

ЭРШЪ.

Если сказать правду, то хозяинъ и не можетъ быть другимъ.

МИРОНЪ.

Мы ихъ выучимъ, отецъ. Прошли уже тѣ времена, когда можно было ни за что избивать рабочаго, выбрасывать его на улицу, отправлять его въ тюрьму, когда хозяину этого хотѣлось. Нѣтъ, нѣтъ, отецъ, я не хотѣлъ бы теперь быть на мѣстѣ Гросмана. Хорошо уже этому магнату, когда приходится подкупать своихъ рабочихъ, льстить однимъ, спаивать другихъ... Но это ему даромъ не пройдетъ. Онъ льетъ керосинъ на огонь.

ЭРШЪ.

Слышите, Шмиль? Онъ не хотѣлъ бы быть на мѣстѣ Гросмана? А на твоемъ мѣстѣ тебѣ лучше? Вотъ онъ броситъ мельницу и уѣдетъ въ Европу. Что вы тогда запоете? Вы уже и теперь отъ забастовки ходите съ

высунутыми языками, а что будетъ, если онъ уѣдетъ? Вы начнете падать, какъ мухи...

(Роза входитъ и съ оханьемъ садится; вяжетъ чулокъ)

МИРОНЪ (смѣясь).

Гросманъ уже пытался напугать тебя, а черезъ тебя и насъ. Понимаемъ его штуки!.. Онъ такъ же можетъ уѣхать въ Европу, какъ ты можешь уѣхать. (Встаетъ) Ну, я ухожу. Я вернусь съ товарищами. Намъ нужно переговорить о дѣлѣ.

РОЗА.

Что? опять? Разбойникъ!.. Что же ты съ нами дѣлаешь? Не хочу я этого. (Кашляетъ) Не допущу. Скажи, чтобы я ради тебя влѣзла въ горящую печь,—влѣзу, какъ теперь ночь на землѣ. Но этого,—нѣтъ!..

ШМИЛЬ.

Ай, ай, ай, Роза! что же вы не даете расти молодому? Міръ вѣдь долженъ двигаться.

МИРОНЪ.

Ты, мать, не вмѣшивайся.

ЭРШЪ.

И я бы тебя тоже попросилъ, Миронъ,—не надо! Пусть будетъ, не надо! Отецъ проситъ. Сдѣлай удовольствіе отцу. Не заслужилъ я у тебя, чтобы ты мнѣ уступилъ?

МИРОНЪ (сердится).

Что же? Посадить свою голову на ваши плечи? Не проси меня, я дѣлаюсь злымъ. Когда оглядываюсь на то, что теперь происходитъ, то думаю, какъ хорошо было бы безъ стариковъ и всего хлама, который мѣшаетъ намъ.

ШМИЛЬ (смѣется).

Мнѣ хочется что-то сказать, но я скажу послѣ. Веселѣе, Миронъ!.. Не робѣй!..

РОЗА.

Хочу, чтобы она замолчала, Эршъ!.. Ты, длинная лошадь, молчи! Не твое дѣло!...

БЕТЯ (смѣется).

Мы никого не боимся.

РОЗА (сердится).

Одёръ! У тебя вѣдь капли крови нѣтъ въ жилахъ, а тоже вылѣзаешь впередъ. Что? Смѣешься? А желчью? Что же ты молчишь, Эршъ? Хорошій отецъ! Доведешь ты своихъ дѣтей до каторги этимъ молчаніемъ!

ЭРШЪ.

Что же я могу сдѣлать?

РОЗА.

Что? Онъ еще спрашиваетъ. Дерись съ ней. Возьми палку, вѣникъ, утюгъ и бей ее по головѣ. Говорю вамъ разъ навсегда: хочу голодать, мучиться, кряхтѣть и ничего не имѣю противъ этого. Люблю богатыхъ и почитаю ихъ и ничего вы со мной не сдѣлаете...

ШМИЛЬ.

Ай, ай, ай, Роза!.. Чѣмъ же это набита ваша голова?

РОЗА.

А вы, Шмиль, молчите. Вы вѣдь извѣстный сумасшедшій. Кто говоритъ? Развѣ вы магнатъ, или солдаты васъ защищаютъ, что вы суетесь? Вбивайте гвоздики въ подметки, пойте свои сапожничьи пѣсенки и лежите въ землѣ.

БЕТЯ.

Почему же ему не говорить, когда теперь уже стѣны говорятъ. Мы рабочіе знаемъ одно: все наше. Мы хозяева, а не эти живодеры-богачи и другіе, и еще другіе...

РОЗА.

Что же ты молчишь, Эршъ? Развѣ это дѣвушка? Это же чортъ. Посмотри-ка на ея глаза. Они блестятъ, какъ у разбойника. Она вѣдь можетъ зарѣзать человѣка.

БЕТЯ (разсмѣялась).

Пусть только меня разсердятъ и я еще хуже сдѣлаю. Со мной нельзя шутить... Вѣдь это сердце бьется... за правду, за справедливость!.. И горитъ въ немъ такая ненависть!..

РОЗА.

Эршъ! Ты не возьмешь ее за косы?

БЕТЯ.

Попробуй только!..

(Входитъ рабочій Давидка)

ДАВИДКА.

Добрый вечеръ, Эршъ. Добрый вечеръ. Говорятъ, что сегодня у васъ опять соберутся?

ЭРШЪ.

Я не ихъ сторожъ и ничего не знаю. (Снялъ очки, отложилъ работу) Бетя, пойди завари чай.

(Бетя беретъ чайникъ и выходитъ)

ДАВИДКА

(сѣлъ, потираетъ лобъ).

Голова идетъ кругомъ. Затѣяли забастовку, а ты голодай. А зачѣмъ забастовали? Получали до рубля въ день. Ну, такъ получали... А сколько же надо? Двадцать?

ЧАРНА

(какъ со сна).

Что забастовка? Что значитъ забастовка?

ДАВИДКА

(быстро повернулся къ ней).

Уже, значитъ. Чортъ ихъ знаетъ, почему они поднялись. Я съ первой минуты не хотѣлъ, но идите-ка противъ нихъ. И кто виноватъ? Все вашъ Миронъ, Эршъ. Рабочій классъ туда, эксплуатація сюда, а я пока голодай. Такой грубый простой человѣкъ, какъ я, который не можетъ сосчитать, сколько два и два, долженъ знать, что эти слова означаютъ. Будто у меня нѣтъ другихъ заботъ въ головѣ.

РОЗА.

Вотъ это человѣкъ.

ДАВИДКА.

А что же? Лошадь? Я не стыжусь, я простой человѣкъ. Дайте мнѣ мой рубль и конецъ. Вотъ у меня жена и полная комната дѣтей. Кто я теперь? Никто. Вчера былъ человѣкомъ, а сегодня нищій. Зачѣмъ мнѣ это?

РОЗА.

Конечно. Рубль въ день составляетъ шесть въ недѣлю. И если не быть шарлатаномъ, не пить и не играть на билліардѣ, то можно еще прожить какъ-нибудь.

ДАВИДКА.

Между нами говоря, это, положимъ, не много. Ай, что вы говорите. Какъ мы живемъ? Мы вѣдь съ женой только во снѣ кушаемъ. Вотъ видите, это моя самая лучшая рубаха. Другой нѣтъ. Держимся долгами. Долженъ лавочнику, хозяину за квартиру, сапожнику. Гдѣ же помѣстится забастовка? Хотите, чтобы я бастовалъ, возьми васъ чортъ, и дайте помощь. Что же вы выдаете на такую семью, какъ моя, пятьдесятъ копеекъ въ день!

ШМИЛЬ.

Скажите спасибо за это.

ДАВИДКА.

Скажите вы спасибо!... Хорошій совѣтъ вы мнѣ подали. Отъ него таки можно хлѣбъ кушать. На пятьдесятъ копеекъ вѣдь лучше уже купить веревку для всѣхъ... Дѣти ищутъ корокъ въ корытѣ для свиней... Забылъ вамъ сказать. Вѣдь моего маленькаго чуть собака не съѣла. Подбѣжала собака и стала его грызть. Что, собака кушать не хочетъ?

ШМИЛЬ.

Такъ посадите ее за столъ и кушайте въ компаніи.

ЧАРНА.

А я собираю кости въ сметьѣ и варю изъ нихъ супъ.

ДАВИДКА.

Вы смѣетесь надо мной? Я вѣдь кровью говорю. Развѣ я могу боротьcя съ Гросманомъ? Посмотрите на меня! Живой мертвецъ, конченный человѣкъ. И я борецъ? А другіе лучше меня? Кто же борцы? Что стоитъ Гросману раздавить насъ, какъ червей?

РОЗА.

Онъ и раздавитъ. Вотъ пусть мой Эршъ скажетъ себѣ: довольно работать. Давайте портные сдѣлаемъ забастовку...

ШМИЛЬ

(прерываетъ ее).

Это не было бы такъ плохо.

РОЗА.

Болячку вамъ въ горло. Вы насъ прокормите? Увидѣли у насъ богатство? Вотъ Миронъ не работаетъ, а гдѣ беретъ хлѣбъ? У отца? А гдѣ спитъ? У отца. Что дѣлаютъ другіе рабочіе? Какъ пьявки сосутъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ.

ДАВИДКА.

А Гросманъ катается въ своей каретѣ, подавиться

бы ему! Когда онъ, бывало, зайдетъ на мельницу, такъ стѣны, бывало, трясутся отъ страха, такой это человѣкъ. Попробуй, чтобы при немъ мѣшокъ лопнулъ, чтобы фунтъ муки разсыпался. Такъ уже смерти не нужно!?..

(Ветя входитъ съ чайникомъ)

ЭРШЪ.

Что такъ долго?

БЕТЯ.

Времени у тебя нѣтъ? Успѣешь! Возьми, мать, чайникъ.

(Ветя сѣла за работу. Роза кашляетъ; встаетъ, достаетъ стаканы изъ шкафчика: наливаетъ чай Эршу и Чарнѣ)

РОЗА.

Если хотите чаю, Шмиль, то налейте себѣ стаканъ.

ЧАРНА.

Ай, чай! Спасибо вамъ, Роза. Душа обрадовалась отъ тепла. Ай, спасибо вамъ.

(Входитъ рабочій Арнъ. Густая черная борода. Взглядъ исподлобья)

АРНЪ.

(къ Давидкѣ).

Ты уже здѣсь? Соберутся сегодня?

ДАВИДКА (нехотя).

Не знаю... Меня не спрашивай...

БЕТЯ (сердито).

Могли бы не приходить сюда, Арнъ... Соберутся не соберутся, — не ваше дѣло. Безъ васъ обойдется. Ступайте и полижьте лучше ноги у Гросмана.

АРНЪ.

Что значитъ полижьте ноги у Гросмана? Вы развѣ были при этомъ?

БЕТЯ.

Не стройте изъ себя дурачка, мы это понимаемъ. А еще рабочій, товарищъ!..

АРНЪ.

Таки рабочій и товарищъ. Знайте это. А то что же, милліонеръ?

БЕТЯ.

Гнилыя штучки. Всѣ знаютъ, что вы приходите вывѣдать что-нибудь, а потомъ доносите Герману. Когда-нибудь это кончится плохо...

АРНЪ.

Не пугайте меня. Развѣ я доношу? Они выдумали про меня. Рабочіе сердиты за то, что я получаю не восемьдесятъ копеекъ, а рубль въ день. Вотъ вся правда. А если я получаю больше другихъ, то во мнѣ всѣ пороки. Почему же вы не спросите, отчего я получаю больше? Прямой отвѣтъ: я работаю лучше.

ДАВИДКА.

Этого не говори. Мы всѣ хорошо работаемъ.

ЭРШЪ.

Перестаньте, прошу васъ. Ссориться ступайте на улицу.

БЕТЯ.

А кого видѣли на черномъ ходѣ у Германа?

АРНЪ.

Что же я долженъ дѣлать? Разъ меня позвали, я долженъ былъ явиться. И почему мнѣ скрывать, что я противъ забастовки? Я всегда былъ противъ этихъ проклятыхъ забастовокъ. Хозяинъ даетъ намъ хлѣбъ, мы обязаны вѣрно служить ему. Въ прошломъ году у меня заболѣлъ ребенокъ. Благодаря кому его приняли въ больницу? Благодаря Герману.

БЕТЯ.

Сколько онъ вамъ обѣщалъ за ваши рѣчи?

ШМИЛЬ.

Ай, ай, ай, Арнъ! Начнется это и смететъ васъ, какъ соломинку. Что вы становитесь противъ вѣтра, когда поднялась буря?

ДАВИДКА.

Вотъ это, Шмиль, я и хотѣлъ сказать. Ты таки противъ забастовки, ругаешь ее, а все-таки что-то тянетъ. Покажешься на улицѣ, — тамъ забастовки, здѣсь забастовки. Что-то хорошее несется въ воздухѣ, и думаешь: развѣ я не человѣкъ? Да, у себя дома, когда видишь эту кучу дѣтей съ раскрытыми ртами, эту низенькую комнату, гдѣ по стѣнамъ всегда ползетъ вода, и эти слезы и проклятія, тогда падаешь духомъ.

АРНЪ.

Потому что ты дуракъ. Нужно имѣть крѣпкую голову. Гдѣ ты видишь это хорошее? Въ смутѣ? Спрячутъ ее въ карманъ, эту смуту.

ЭРШЪ.

Возьми у меня стаканъ, Роза. Сяду работать.

РОЗА.

Ты могъ бы уже отдохнуть. (Беретъ у него стаканъ. Къ Давидкѣ) Арнъ говоритъ правду. Ай, мы будемъ плакать. На свои годы будемъ плакать.

ДАВИДКА (къ Бетѣ).

Ну, какъ мнѣ, Бетя, знать, что дѣлать? Слушаю его и уже начинаю колебаться. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ это кончится? Видите! Вотъ мы хотимъ,—вотъ мы боимся.

БЕТЯ
(встаетъ въ гнѣвѣ).

А я хочу, чтобы онъ ушелъ отсюда. Сейчасъ же! Ну, Арнъ, маршъ отсюда! И берегите свои бока. Я отъ

Мирона знаю, кто ведетъ это подлое дѣло. Наступило уже время, когда рабочіе становятся сознательными, и вотъ являются подлецы, которые портятъ рабочее дѣло. Можете передать Герману, что ему это даромъ не пройдетъ. Думаетъ, что если можно подкупить такихъ подлецовъ, какъ вы, то рабочіе откажутся отъ своихъ требованій...

РОЗА (къ Эршу).

Хочу увидѣть, какъ ты ей закроешь ротъ. Покажи хоть разъ.

ЭРШЪ (хмуро).

Оставь меня въ покоѣ. Начну плакать: не мучьте меня.

АРНЪ

(вдругъ встаетъ),

Ну, хорошо, хорошо, я запомню ваши слова.

БЕТЯ.

Можете даже записать ихъ. Онъ запомнитъ! Выходи отсюда! Вонъ, измѣнникъ, предатель, подлецъ!.. Подожди, придетъ на васъ смерть.

АРНЪ

(стоя у дверей).

Посмотримъ на кого. (Уходитъ)

ШМИЛЬ.

Вотъ хорошо. Славно ты его отдѣлала.

РОЗА.

Ну, жизнь теперь!.. Славная жизнь. (Шмиль смѣется) Желтымъ смѣхомъ вамъ смѣяться. (Кашляетъ) Въ печенкѣ вы сидите у меня съ своимъ смѣхомъ.

НАХМАНЪ

(входитъ; навеселѣ. Грубымъ голосомъ).

Ну, добрый вечеръ. Хорошій дождикъ на дворѣ.

Если бы такой въ апрѣлѣ, то сказали бы: будетъ хорошій урожай. А мнѣ все равно.

РОЗА.

Смотри-ка, онъ уже пьянъ... Черная оспа убила бы тебя.

ШМИЛЬ.

Хватили уже рюмочку, Нахманъ?

НАХМАНЪ.

Почему не хватить? Мнѣ все равно.

РОЗА.

Иди уже спать, несчастье мое!..

НАХМАНЪ.

На зло тебѣ буду сидѣть здѣсь. Мнѣ все равно.

ЭРШЪ (тихо).

Ступай спать, Нахманъ. Ты кричишь, а намъ нужно работать.

НАХМАНЪ

(вспыхнулъ. Бьетъ себя въ грудь).

А я не работалъ сегодня? Не перетаскалъ на этихъ плечахъ тысячи пудовъ? Не издыхаю, какъ лошадь? Такъ, значитъ, мнѣ плакаться? Лежу въ землѣ. У города вѣдь такія лапы,—съ крючками... Такъ что же? молчу... Можетъ быть, тоже, какъ другіе, хотѣлъ бы свѣтъ увидѣть? Можетъ быть, землю хочу грызть? Жалуюсь я кому-нибудь? Мнѣ все равно... Вотъ у меня сорокъ копеекъ осталось. Возьми мои сорокъ копеекъ.

ЭРШЪ (тихо).

Не надо. Оставь у себя.

НАХМАНЪ.

Можетъ быть, и я хотѣлъ учиться? А я долженъ быть скотиной. Ну?.. Такъ мнѣ все равно.

РОЗА.

Что значитъ не надо? Возьми у него. (Къ Нахману) Дай сюда деньги.

НАХМАНЪ
(смотритъ на нее).

Вотъ тебѣ не дамъ. Хотѣла ты посылать меня въ школу? Только и знала: ступай работать! И теперь я скотина. Не дамъ тебѣ денегъ.

РОЗА (плачетъ).

Взялъ бы тебя Богъ у меня!..

НАХМАНЪ.

Послушаетъ тебя Богъ. Какъ же!..

(Идетъ къ дверямъ. Входятъ рабочіе съ мельницы, русскіе и евреи, здороваются и разсаживаются, какъ попало. Нахманъ оглядываетъ ихъ)

НАХМАНЪ (смѣется).

Демократы!.. (Плачущимъ голосомъ, очень громко) Демократы!.. (Машетъ рукой) А мнѣ все равно.

(Выходитъ въ кухню)

ЯКОВЪ.

А что, дядя Эршъ? Миронъ-то вашъ гдѣ?

ЭРШЪ.

Миронъ? Скоро придетъ.

(Чарна поднимается, окидываетъ рабочихъ взглядомъ пришибленнаго и медленно выходитъ)

СТЕПАНЪ.

Іоська, есть у тебя табакъ?

ІОСЬКА
(не глядя даетъ ему желтую круглую коробку).

На, возьми.

(Рабочіе тихо разговариваютъ между собой. Входитъ Маня. Худая, высокая женщина)

МАНЯ.

Добрый вечеръ.

РОЗА.

Добрый вечеръ, Маня. Присядьте возлѣ меня. (Маня сѣла) Что слышно у васъ? были вы у сестры?

МАНЯ.

Я была? Пусть чортъ съ ней видится! Послала къ ней свою Диночку. И что же? Думаете, она ее приняла? Подавиться бы ей такъ кускомъ хлѣба. Думаете, допустила въ комнаты? Жить бы ей такъ на свѣтѣ! Она мою Диночку приняла... знаете гдѣ? Въ передней!..

РОЗА.

Чтобы ей только жить въ передняхъ.

МАНЯ.

Въ передней! Мою Диночку въ передней! Можетъ быть, позволила ей говорить? Рта не дала раскрыть. Кричала. Можете себѣ представить, какъ умѣетъ кричать моя добрая сестра, чтобы ей въ горлѣ заложило, и какъ мое дитя испугалось. Оно такъ испугалось, что чуть въ обморокъ не упало.

ІОСЬКА

(прислушался. Вѣжливо).

Вы, кажется, разсказываете о мадамъ Гросманъ?

МАНЯ.

Я разсказываю о мадамъ Гросманъ. Ну, ничего, Роза. Теперь я къ ней пойду. И если я не перебью ей всѣхъ стеколъ въ окнахъ, то вы меня Маней не будете называть!

ЯКОВЪ.

Слѣдовало бы. Очень хорошо бы это, чтобы ни одного стекла не осталось въ цѣлости. А еще сестра!.. Ай да сестра!.. (Смѣется)

СТЕПАНЪ.

А еще говорятъ, что у нихъ своя, еврейская, связь.

МАНЯ

(стремительно подбѣгаетъ къ Степану).

Я вамъ разскажу, Степанчикъ!.. (Беретъ его за бороду) Она же сестра, а я бѣдная. Такъ что же? Развѣ у васъ не бываетъ такъ, что одна богатая, а другая бѣдная?

СТЕПАНЪ.

Что говорить!..

МАНЯ.

Ну, ничего, такъ Богъ хотѣлъ. Онъ же сидитъ наверху и все видитъ, и лучше знаетъ. Но будь же человѣкомъ. Хорошо,—но будь же сестрой!.. Что твоя кровь и что моя кровь?..

ЯКОВЪ.

Правильно. (Моргаетъ глазами) Одно слово,—однокровки.

МАНЯ.

А она этого не хочетъ знать. Мой мужъ работаетъ у ея мужа на мельницѣ. Его еще нѣтъ здѣсь, но онъ сейчасъ придетъ. Онъ придетъ! Спрашиваю васъ, Степанчикъ, надо ли помочь мнѣ? Но пусть ей на весь вѣкъ останется то, что она давала мнѣ до сихъ поръ. Что? Почему я брала? Что же бѣдный долженъ дѣлать? Когда даютъ,—онъ беретъ. Но теперь, Степанчикъ, теперь!.. Такія времена, такая страсть... Ну, не будь сестрой, будь теткой, будь самой дальней родственницей. Помоги чѣмъ-нибудь. Нѣтъ, твой мужъ въ забастовкѣ! Гдѣ же ему быть? Въ землѣ? Пусть онъ не будетъ, такъ вы вѣдь его убьете. Правда, Степанчикъ, вы его убьете?

СТЕПАНЪ

(высвободилъ бороду).

Убить не убьемъ, но и по головкѣ не погладимъ.

МАНЯ (обрадованная).

Ну, вотъ видите. Я ей это сказала, а она меня выгнала. Послала я къ ней сегодня дитя, и она ее тоже выгнала. Кого? Мою Диночку? Моя Диночка лучше, чѣмъ ея барышни. Можетъ быть, нѣтъ? Сидитъ одна худая, какъ скелетъ, и смотритъ на васъ сумасшедшими глазами. Другую, слава Богу, мужъ уже прогналъ отъ себя Конечно, прогналъ! Прогналъ, прогналъ!.. Богъ не будетъ молчать...

ІОСЬКА.

Вы будьте совсѣмъ спокойны. Мы ихъ теперь хорошо прижмемъ къ стѣнѣ.

ЯКОВЪ.

Чтобы пѣна пошла со рта...

МАНЯ.

Чтобы таки пошла. Она говоритъ, что рабочіе ее разорили и потому она не можетъ помогать... Забастовка имъ уже стоитъ десять тысячъ. Ничего, я еще доживу увидѣть ее нищей. Рабочіе требуютъ расходовъ на двадцать пять тысячъ рублей въ годъ. Требуйте на пятьдесятъ. Я первая буду кричать: душите ихъ, проклятыхъ. Сдирайте съ нихъ кожу, какъ они съ насъ сдираютъ. Не поддавайтесь.

ЯКОВЪ (поднялся).

Всѣмъ бы подняться и пойти туда на мельницу...

СТЕПАНЪ.

Намедни Германъ подсылалъ своихъ людей; кому деньги прислалъ, кому подарокъ. Нашихъ напоилъ. Вотъ и связь рушится. Вашъ то деньги любитъ, а нашъ выпить. Вотъ и не поддавайся. — А я что? Я готовъ. Меня хотя ножомъ рѣжь, а я стѣну не сломаю. Ты мнѣ на выпивку, а я тебѣ въ зубы,—да!..

ІОСЬКА

(говоритъ съ запинкой).

Позвольте и мнѣ что-нибудь сказать. Прошу маленькаго слова. Чѣмъ, напримѣръ, бѣдный рабочій виноватъ въ томъ, что разъ,—боится, два—беретъ деньги, и три,—согласенъ выдавать. Ну? Онъ бѣдный, темный!.. Онъ хочетъ кушать. Онъ, бѣдный, кушаетъ мясо разъ въ недѣлю и то — самое послѣднее мясо, которое съ червями. Онъ, бѣдный, въ заботахъ, и ходитъ оборванный. У тебя, Степанъ, напримѣръ, сапоги цѣлы? Нѣтъ, ты правду скажи. Цѣлые у тебя сапоги?

СТЕПАНЪ.

Я ихъ цѣлыми, можетъ, никогда и не видѣлъ... Вотъ они сапоги...

(Показываетъ. Рабочіе смѣются)

ЯКОВЪ.

Кто видалъ сапоги Гросмана?

КТО-ТО.

А у Германа башмачки на пуговичкахъ.

СТЕПАНЪ.

Кухарка ихняя разсказывала, что каждый день по двѣнадцать фунтовъ мяса еврейскаго берутъ,—все слопать не могутъ, такъ собакъ имъ кормятъ.

БЕТЯ.

Не бойтесь. Они уже и свинину ѣдятъ.

ІОСЬКА (настойчиво).

Ну, такъ это я хотѣлъ сказать. Вотъ бѣдный рабочій, оборванный, голодный...

ЭРШЪ.

Ты бы, Іоська, пересталъ. У меня руки начали дрожать.

ІОСЬКА.

А если дрожать, такъ рабочему уже стало хорошо? Дайте же говорить, Эршъ. Я демократъ и говорю о положеніи бѣднаго рабочаго. И меня никто не можетъ остановить, ибо я желаю добра нашему рабочему классу. А почему имъ можно быть мерзавцами? Колѣнкой нажимать на грудь бѣднаго рабочаго, чтобы у него глаза закатывались?

ЯКОВЪ.

Вѣрно, Іоська. Валяй дальше...

СТЕПАНЪ.

Ты, дядя Эршъ, уже помолчи. Маленечко потерпи.

ІОСЬКА.

На чемъ же я остановился? Да, такъ я говорю, бѣднаго рабочаго... А если ему дадутъ деньги, можетъ онъ сказать, — не хочу денегъ? Или если ему подносятъ водку,—можетъ онъ сказать, не хочу водки? Онъ таки не долженъ этого дѣлать, но вѣдь онъ еще несознательный. Слѣдовательно, кто же тутъ виноватъ? Опять-таки Гросманъ и его Германъ. Вотъ это я хотѣлъ сказать...

РОЗА.

Еще будете ноги цѣловать у Гросмана. Подождите, Іоська. Это не кто-нибудь. Это Гросманъ! Это—король!.. Пусть уѣдутъ изъ города десять такихъ Гросмановъ, и всѣмъ намъ можно будетъ начать копать себѣ могилы.

ШМИЛЬ.

Ай, ай, ай, и ай, ай, ай!..

(Входитъ Миронъ съ рабочими и сосѣди. Среди нихъ Абрамъ, мужъ Мани)

ІОСЬКА.

Вотъ и пришелъ товарищъ Миронъ...

(Выдвигается впередъ. Рабочіе

окружаютъ Мирона. Абрамъ подходитъ къ Манѣ)

АБРАМЪ.

Что ты тутъ дѣлаешь? Обойдутся безъ тебя. Иди домой.

МАНЯ.

Вотъ я уже ушла. Хочу тоже послушать.

АБРАМЪ.

Нечего тебѣ слушать. Узнаешь, когда приду.

МАНЯ.

А я хочу остаться. Хочу увидѣть, какъ Гросмана закопаютъ въ землю.

(Ихъ закрываетъ кучка рабочихъ)

ІОСЬКА.

Товарищи, прошу всѣхъ сѣсть. Товарищъ Миронъ хочетъ говорить.

(Миронъ отдѣляется и начинаетъ очень просто, негромко и не тихо. Вниманіе растетъ. Прерываютъ жестами, восклицаніями. Бетя бросила работу и стала не далеко отъ него. Эршъ снялъ очки, подошелъ къ дверямъ и тамъ остался)

МИРОНЪ.

Я хочу начать съ того...

РОЗА (прерываетъ его).

А я не хочу быть здѣсь. Чтобы мой сынъ! Тьфу на васъ! (Плюетъ) Дождетесь вы всѣ Сибири.

(Выходитъ. Ее сопровождаютъ смѣхомъ)

МИРОНЪ (улыбается).

Она все еще боится... Такъ вотъ, мы собрались сюда, чтобы обсудить наши дѣла. (Восклицанія) Всѣ мы знаемъ, что Гросманъ не останавливается уже ни передъ чѣмъ чтобы сломать нашу забастовку.

ІОСЬКА.

Прошу маленькаго слова...

ЯКОВЪ.

Подожди, Іоська.

МИРОНЪ.

Спрашиваю у товарищей, что будетъ, если Гросманъ побѣдитъ?

СТЕПАНЪ.

Извѣстно, что будетъ: на шею верхомъ сядетъ.

МИРОНЪ.

Зачѣмъ же было начинать? Пусть каждый вспомнитъ, какъ мы живемъ. Вотъ здѣсь квартира рабочаго. Комната и кухня. Здѣсь живу я, сестра-работница, отецъ-работникъ, братъ Нахманъ и сапожникъ Шмиль. Мы отравляемся вонью, что идетъ со стѣнъ и отравляемъ другъ друга собственнымъ дыханіемъ. Мы спимъ на полу, какъ собаки, и вши поѣдаютъ наше тѣло. Мы ѣдимъ черствый хлѣбъ и лишь по праздникамъ видимъ мясо. Наши развлеченія — или водка, или билліардъ, или мертвый сонъ. Вотъ наше положеніе. Кто изъ насъ живетъ лучше, пусть отвѣтитъ.

ГОЛОСА.

Вѣрно, вѣрно...

МИРОНЪ.

А какъ живетъ Гросманъ? Семья Гросмана изъ четырехъ человѣкъ. Эти четыре человѣка живутъ въ двѣнадцати комнатахъ, которыя стоили, какъ хвасталъ Германъ, шестьдесятъ тысячъ рублей. Для этихъ людей все доступно. Театръ, музыка, образованіе, хорошія книжки, лучшая пища, въ то время какъ для нашихъ дѣтей нѣтъ молока въ грудяхъ матерей, въ то время какъ мы гибнемъ отъ истощенія, отъ грязи и болѣзней. Я говорю къ вамъ и хотѣлъ бы, чтобы слова мои

вмѣстѣ съ моей желчью и гнѣвомъ дошли до вашего сердца. У насъ есть одинъ выходъ. Не уступать!..

(Шумъ и возгласы)

ЯКОВЪ

(въ гнѣвѣ. Встаетъ).

Перебить бы всѣхъ этихъ подлецовъ и былъ бы одинъ конецъ. (Грозно) Кто нарушитъ связь, тотъ со мной будетъ вѣдаться. Подожди, подлецы!..

МИРОНЪ.

Не легко Гросману увеличить расходы по мельницѣ на двадцать пять тысячъ рублей. Но мы его заставимъ...

ЯКОВЪ (грозно).

Заставимъ, а не то всей мельницѣ капутъ!.. Такъ я говорю? Чѣмъ дальше мучиться, какъ мучились до сихъ поръ, такъ уже лучше на каторгу. Хуже мельницы каторги не можетъ быть.

ГОЛОСА.

Вѣрно, вѣрно. И всѣхъ щенятъ его слѣдуетъ перебить.. (Шумъ, гнѣвные жесты)

ІОСЬКА.

Прошу маленькаго слова... Почему товарищъ Миронъ не говоритъ намъ о сынѣ господина Гросмана, Александрѣ? Мы знаемъ, что онъ демократъ. Почему же мы его не видимъ здѣсь, среди насъ? Какой же онъ демократъ, если не идетъ противъ своего отца-эксплуататора?

ЯКОВЪ.

Это ты, Іоська, правильно спросилъ!

СТЕПАНЪ.

Оно, правду сказать, неловко какъ-то.

МИРОНЪ.

Сынъ Гросмана на нашей сторонѣ. Онъ сегодня

придетъ сюда, чтобы обсудить и рѣшить, какъ намъ дальше вести дѣло.

ІОСЬКА.

Браво и браво. Я удовлетворенъ.

ЯКОВЪ.

Значитъ, наша взяла, если сынишка Гросмана за насъ.

ДАВИДКА (робко).

Я, Миронъ, вотъ что хотѣлъ сказать. Я бы...

(запинается)

ЯКОВЪ.

Дай ему по затылку, слова и пойдутъ.

ДАВИДКА (улыбаясь).

Что я хотѣлъ сказать? Такъ, ничего не хотѣлъ сказать. Но... но что-то мира хочется. Понимаете, чтобы было тихо, спокойно. Къ чему этотъ крикъ? Ну, хорошо, вотъ крикъ. Вотъ дитя дома плачетъ. Вотъ жена дома проклинаетъ. Такъ уже хорошо? И господинъ Гросманъ тоже не маленькій человѣкъ. Мы упрямимся и онъ думаетъ: „смотри-ка, они со мной хотятъ бороться! Кто хочетъ, что хочетъ? Мы!.. Еще разъ кто? Вотъ эти мы!.. Противъ кого? Противъ Гросмана!..“

ІОСЬКА.

Прошу маленькаго слова... Ты кончилъ, Давидка? Если нѣтъ, то продолжай.

ДАВИДКА.

Я не кончилъ и я не началъ. Я только говорю, пусть все будетъ сдѣлано тихо, мирно. Мы евреи и онъ еврей. Не скушаемъ другъ друга. (Къ Іоськѣ) Что? Ты говоришь, что здѣсь русскіе рабочіе? Что же изъ этого? Развѣ они не люди? Они меня понимаютъ. Правда, Яковъ, ты меня понимаешь?

ЯКОВЪ.

Пошелъ ты къ чорту.

ДАВИДКА.

Уже пошелъ... Ну, а дальше? Что ты на меня смотришь, Іоська?

ІОСЬКА.

Я смотрю на тебя оттого, что ты ничего не понимаешь въ бѣдномъ рабочемъ. Когда я тебя выучу? Ты вѣдь набитый дуракъ, и я тебѣ сейчасъ докажу почему. Что такое, напримѣръ, капиталистъ-эксплуататоръ? Ну, что, что?..

ДАВИДКА.

Знаю, знаю...

ІОСЬКА.

Знаешь? Кушать ты знаешь! Капиталистъ-эксплуататоръ, это человѣкъ, который долженъ отнимать у рабочаго прибавочную стоимость. Ну, а что такое рабочій? А? Рабочій, это человѣкъ, который, хотя не хочетъ, но долженъ отдавать капиталисту прибавочную стоимость. Не смотри на меня какъ баранъ передъ смертью. Ты уже понялъ? Что же отсюда слѣдуетъ? Что рабочій долженъ бороться съ капиталистомъ, пока не отниметъ у него всю прибавочную стоимость. Оселъ, при чемъ же тутъ еврей? Вотъ тутъ ты, Давидка, второй разъ дуракъ, и я тебѣ сейчасъ докажу почему. Если, напримѣръ, еврей капиталистъ выжимаетъ прибавочную стоимость изъ еврейскаго и русскаго рабочаго, то при чемъ тутъ нація? Когда я говорю, что монета не имѣетъ націи, то ты это понимаешь. Почему же ты не понимаешь, что тотъ, кто любитъ монету, тоже не имѣетъ націи? (Рабочіе смѣются) При чемъ же здѣсь слова: еврей и русскій?..

ЯКОВЪ.

Ловко отдѣлалъ, Іоська. Мы всѣ одно, что Степанъ, что Миронъ.

ДАВИДКА (подумавъ).

А почему русскіе устраиваютъ погромъ?

СТЕПАНЪ

(погладивъ бороду. Сбивчиво).

Да! Это ты правильно спросилъ. Это такъ.

ІОСЬКА.

Дуракъ. Мы, бѣдные рабочіе, идемъ къ одной цѣли. Русскіе и еврейскіе рабочіе не враги. Они уже поняли свои общіе интересы и рука объ руку идутъ въ бой со старымъ міромъ, чтобы его сокрушить. Я скажу такъ: русскіе и еврейскіе рабочіе,—братья!

ЯКОВЪ.

Вѣрно,—братья. Нашъ врагъ хозяинъ, а не еврей. Хозяину надо шею свернуть.

(Шумъ)

ШМИЛЬ.

Ай, ай, ай! Братья!.. Это хорошо... Это по-еврейски!.. (Встаетъ и бросаетъ сапогъ) Слушайте, дѣти... Это по-еврейски. Степанъ, знаешь ты, что значитъ по-еврейски? Это значитъ по-человѣчески: всегда и вездѣ еврейское было человѣческое. Дѣти, — люби враговъ своихъ, кто сказалъ? Это мы сказали. И кто сказалъ: подставь правую щеку, когда бьютъ въ лѣвую? Вы говорите, что вы. Но это неправда... Тоже мы!.. Эти слова пахнутъ еврейской болячкой, еврейской кровью.

ДАВИДКА (благоговѣйно).

Таки пахнетъ еврейской болячкой.

ІОСЬКА.

Прошу маленькаго слова...

ШМИЛЬ.

Тысячелѣтія прижимали еврея, и онъ отъ боли скривилъ лицо и выкрикнулъ: люби враговъ своихъ. Не-

куда было дѣваться, Степанъ. Люби враговъ своихъ!.. Хорошо, но сейчасъ же проклялъ это, и оно стало чужимъ. Ай, ай, ай, ай, и ай, ай, ай!.. Сказать правду нужно. Это было еврейскимъ словомъ. А кто сказалъ: борись съ поработителемъ своимъ? Тоже мы!.. Все хорошее, человѣческое говорили мы и сейчасъ же дарили другимъ. Берите, мы не жадные. У насъ столько есть, что всѣмъ людямъ хватитъ. Не мѣшай же, Іоська. Мы сказали: борись съ поработителемъ своимъ, но это еще не по-еврейски!.. Но борись ты, угнетенный, рука объ руку не только съ евреемъ, а съ русскимъ, съ французомъ, съ полякомъ, противъ поработителей своихъ,—вотъ это по-еврейски. Тутъ еврей не скривилъ лицо и громко, Яковъ, и смѣло, Іоська, сказалъ: угнетенные, вотъ ваша дорога!.. Понимаете? понимаете? И я еще долженъ сказать, Степанъ, что все станетъ еврейскимъ!.. Нѣтъ, у васъ таки будетъ своя суббота, у французовъ своя, у нѣмцевъ своя, но духъ, духъ во всемъ будетъ жить еврейскій.

(Садится въ волненіи. Шумъ)

МАНЯ.

Вамъ за это слѣдуетъ поцѣлуй, Шмиль. Вы всегда вмѣшиваетесь не въ свое дѣло. Вы вѣдь извѣстный сумасшедшій. А я хочу видѣть, какъ похоронятъ Гросмана. Дѣти!.. Надѣвайте-ка на него саванъ!.. Кладите же его въ землю...

(Въ это время въ заднихъ рядахъ начинается движеніе. Всѣ оглядываются. Кто-то протискивается черезъ толпу. Миронъ бѣжитъ навстрѣчу)

МИРОНЪ.

Это товарищъ Александръ, сынъ Гросмана. Пропустите товарища.

ЭРШЪ (пораженный).

Сынъ господина Гросмана здѣсь!.. Самъ сынъ господина Гросмана!..

(Александра окружаютъ рабочіе, пожимаютъ ему руку)

АЛЕКСАНДРЪ

(звучнымъ голосомъ).

Товарищи!.. (Всѣ утихаютъ) Товарищи!..

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Столовая въ домѣ Гросмана. Слышна игра на фортепіано. Звуки доносятся слабо. Музыка нѣжная, меланхолическая. Сѣрый, тусклый день. Мельница окутана туманомъ. Ея контуры неясно выдѣляются. Отъ тѣней столовая кажется печальной. Женя сидитъ на кушеткѣ, повернувшись спиной къ мужу. Этель, въ капотѣ, сидитъ за столомъ, повернувшись къ Розенову. Розеновъ, одѣтый съ иголочки, взволнованный, ходитъ по комнатѣ.

РОЗЕНОВЪ.

Не говорите мнѣ, теща, объ этой дурацкой революціи. Я плевать хочу на нее. Вотъ этотъ скандалъ, который Женя устроила, хуже всякихъ революцій. Мнѣ никуда нельзя показаться. Понимаете, нельзя!... Надо воспользоваться, теща, тревожными слухами и уѣхать мѣсяца на два за границу съ Женей. О насъ забудутъ и перестанутъ сплетничать. (Женя киваетъ головой) Нѣтъ? (Грозно) Нѣтъ?

ЭТЕЛЬ.

Зачѣмъ такъ сердиться, Яковъ? Она вѣдь молоденькая. Ее надо попросить, приласкать. Вѣдь она у меня выросла въ роскоши. Ты образованный, ты знаешь самыя лучшія слова...

ЖЕНЯ.

Какъ вы мнѣ надоѣли... Всѣ, всѣ!..

(Повернулась въ другую сторону)

РОЗЕНОВЪ.

Слышите, теща? Это ея постоянный жаргонъ. (Повторяетъ раздраженно) Какъ вы мнѣ надоѣли! Чѣмъ я вамъ надоѣлъ, принцесса?

ЖЕНЯ.

Интеллигентъ, ставшій биржевикомъ,—не человѣкъ!

РОЗЕНОВЪ.

Слышите, теща, слышите? Четыре года я ей твержу: я, деньги! Женя, деньги и деньги! Вотъ резуль-

таты. Теща, вы знаете жизнь. Можно ли прожить безъ денегъ? И мужу нельзя объ этомъ сказать женѣ!..

ЭТЕЛЬ.

Что же дѣлать, если она такая. Она у меня не жадная.

РОЗЕНОВЪ (возмущенный).

Какъ, что дѣлать? Вы должны другое говорить, если желаете ей добра. Сдѣлайте ее жадной. Отнимите у нея платья, бриллiанты, и она заголоситъ, какъ я голосилъ. Что дѣлать? Вотъ я прошелъ школу и хорошо знаю, что нужно дѣлать. Вамъ кажется, теща, что какъ только я прiѣхалъ изъ-за границы съ дипломомъ, то передо мной открылись всѣ двери?.. Ошибаетесь. Я былъ бѣденъ и со мной никто разговаривать не хотѣлъ. Ошибаетесь. Со мной, теща, не церемонились. Прошло три тяжелыхъ года, пока я почувствовалъ подъ ногами почву.

ЭТЕЛЬ.

Положимъ, всѣмъ приходится трудно...

ЖЕНЯ.

Я краснѣю, когда слышу объ этомъ. Сейчасъ пойдетъ разсказъ о больницѣ. И онъ даже не подозрѣваетъ, какъ это пошло.

РОЗЕНОВЪ.

Пошло разыгрывать Софiю Ковалевскую, когда въ сущности ты хочешь того, что и я.

ЖЕНЯ.

Я хочу? А мои идеалы...

РОЗЕНОВЪ.

Знаемъ, знаемъ... Все въ высокомъ стилѣ: Богъ, идеалъ, искусство... Надо имѣть стыдъ, Женя! Въ больницѣ, теща, гдѣ я по прiѣздѣ изъ-за границы началъ работать, пришлось превратиться чуть ли не въ лакея

извѣстныхъ врачей, чтобы добиться отъ нихъ какой-нибудь помощи. И я превратился, теща. Вотъ гдѣ истинная правда жизни. Я превратился, потому что понялъ,—иначе не пройдешь. Я развлекалъ ихъ женъ. Я былъ ловче другихъ, гулялъ съ ихъ идіотками—дочерьми и за это иногда получалъ дежурство у богатаго больного. Я терпѣлъ... ради денегъ!..

ЭТЕЛЬ.

Въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Ты все-таки устроился...

РОЗЕНОВЪ.

Конечно!.. И я побѣдитель. Я правъ и требую, чтобы она не становилась поперекъ моей дороги. Я долженъ быть богачомъ и буду имъ. Она не хочетъ понять, что практика врача рѣдко обогащаетъ. Посмотрите, теща, на нашихъ богатыхъ врачей. Развѣ они живутъ? Развѣ они чувствуютъ сладость жизни? Другое дѣло биржа Это чисто. Это пріятно. Вокругъ тебя кипитъ жизнь. Ты самъ какъ соломинка захваченъ водоворотомъ. Деньги растутъ! Деньги растутъ!

ЭТЕЛЬ

(звонкимъ голосомъ).

Я понимаю. Я чувствую, Яша! Помню, какъ это у насъ началось.

ЖЕНЯ.

Ненавижу, презираю васъ...

ЭТЕЛЬ

(дѣлаетъ Розенову знакъ. Шопотомъ)

Поговори самъ съ ней. Я ничего не могу подѣлать, а отецъ не хочетъ вмѣшиваться.

ЖЕНЯ (обернулась).

О чемъ вы шепчетесь?

ЭТЕЛЬ.

Я не шепчусь. Уже шепчусь! (Дѣлаетъ Розенову знакъ) Подойди же къ ней.

(Тихо выходитъ въ кабинетъ и закрываетъ дверь за собой. Розеновъ смотритъ на жену. Заложилъ руки за спину и ходитъ по комнатѣ. Останавливается. Недовольно машетъ головой и рѣшительно подходитъ къ ней)

РОЗЕНОВЪ

(искусственно дрогнувшимъ голосомъ).

Женичка!...

ЖЕНЯ.

Не смѣйте касаться меня. Ступайте къ своей служанкѣ!

РОЗЕНОВЪ (вспыхнулъ).

Ненавижу этотъ тонъ. Начиталась французскихъ романовъ и чуть что, сейчасъ на вы.

ЖЕНЯ.

Я не хочу тебя знать больше. Моя жизнь пропала! (Приложила платокъ къ глазамъ) Если бы я знала, за кого шла замужъ. Скажи, чѣмъ ты теперь лучше бандита, который останавливаетъ путниковъ на большой дорогѣ съ крикомъ: кошелекъ или жизнь? Врачъ-биржевикъ! Какой позоръ, какой позоръ!

РОЗЕНОВЪ (сдерживается).

Я третій разъ дѣлаю попытку примириться съ тобой. Двѣ недѣли, какъ ты бросила домъ. Дѣти страдаютъ, — ты замучилась. Послушай меня, поѣдемъ домой.

ЖЕНЯ (съ горечью).

Ты заботишься обо мнѣ? (Крикливо) А какова была моя жизнь? Поговорилъ ли ты со мной хоть однажды серьезно? Нѣтъ, серьезно, по-человѣчески. Чѣмъ я

была для тебя? Куклой, выставкой! Ты покупалъ мнѣ бриллiанты ради своихъ цѣлей, но скупился на покупку книгъ, произведенiй искусства. Въ нашемъ домѣ нѣтъ ни одной скульптуры. Въ гостиной, на стѣнахъ висятъ большiя олеографiи, въ этихъ пошлыхъ золоченыхъ рамахъ. Для кабинета ты отказывался прiобрѣсти библiотеку...

РОЗЕНОВЪ.

Эти бредни никого не грѣютъ. Мнѣ надоѣли книги. Я не признаю искусства.

ЖЕНЯ.

Развѣ это не ужасно, не признавать искусства? Боже мой, я оставалась одна и думала: гдѣ же мои мечты? Когда мы познакомились, ты мнѣ понравился. (Опять напыщеннымъ тономъ) Я думала, что съ тобой изъ этого мертваго дома я выйду на свѣтъ, я увижу солнце. Жизнь наша будетъ заполнена благороднымъ трудомъ.

РОЗЕНОВЪ (сердито).

Это все изъ романовъ. О какомъ трудѣ ты говоришь? Въ жизни все такъ ясно, такъ просто. Поѣдемъ домой. Твоя вспышка пройдетъ, и какъ ты будешь жалѣть, если мы разойдемся. Я женюсь вторично на молоденькой, богатой, ты останешься вдовой. Хочешь, я повезу тебя за границу? (Шепчетъ) Поѣдемъ какъ любовники...

ЖЕНЯ.

Не добьюсь я у тебя, чтобы ты отнесся ко мнѣ, какъ человѣкъ. (Заплакала) Я говорю серьезно, Яковъ. Можетъ быть, это мои послѣднiя слова! Я четыре года молчала. Я рвалась изъ нашей клѣтки къ прекрасному. И вотъ я вырвалась... не на радость.

РОЗЕНОВЪ
(мѣняетъ тонъ).

Не могу же я серьезно, хладнокровно, слушать эту

чепуху. Вѣдь я не мальчишка и не хожу, воздѣвъ очи горѣ. Я смолоду ненавидѣлъ этотъ гнусный, высокій тонъ. Перестань дурить, или я тебя заставлю. Бросила дѣтей и разыгрываетъ Жанну д'Аркъ.

ЖЕНЯ (задыхаясь).

Меня заставить!

РОЗЕНОВЪ.

Тебя, тебя. Я пойду до конца.

ЖЕНЯ.

Ты думаешь, что разговариваешь съ своими любовницами?

РОЗЕНОВЪ.

Молчать! (Сдавливаетъ ей руку) Ѣдешь домой? Я спрашиваю, вернешься домой?

ЖЕНЯ (вырываетъ руку).

Опять въ эти проклятыя комнаты-тюрьмы? Никогда, лучше смерть! (Съ паѳосомъ) Кому я нужна теперь? Кто протянетъ мнѣ руку, чтобы идти со мной впередъ, впередъ, безъ конца? Я одна!.. Моя жизнь пропала и вотъ я плачу. Кому я продана? Посмотри на себя. У тебя круглое брюхо и плотоядный ротъ. (Смѣется) У тебя цѣпочка на жилеткѣ. Нѣтъ, ты посмотри на себя. Какъ твой домъ устроенъ? Кабинетъ безъ библіотеки, гостиная безъ произведеній искусства, столовая и огромный буфетъ съ мраморной доской. Когда къ намъ входишь, сразу охватываетъ атмосфера чего-то ужаснаго, мерзкаго, безстыднаго. Я плачу, пропала жизнь.

РОЗЕНОВЪ.

Но ты вѣдь идіотка, честное слово. Твое мѣсто въ больницѣ.

ЖЕНЯ.

Это тебѣ кажется страшнымъ. Все благородное для тебя не имѣетъ цѣны. Пусть! Я плачу. Пропала жизнь!

РОЗЕНОВЪ (въ бѣшенствѣ).

Не знаю, что удерживаетъ меня ударить тебя. Но подожди, дойдетъ и до этого. Проклятіе гимназіямъ и подлымъ книгамъ! Почему я женился на тебѣ? Почему я тебя выбралъ? Развѣ въ городѣ мало другихъ богатыхъ идіотокъ, которыя почли бы за счастье выйти за меня замужъ? (Женя рыдаетъ) Ты еще плачешь? Ты еще права? Подожди, прибѣжишь сама ко мнѣ.

(Въ гнѣвѣ убѣгаетъ. Пауза. Женя плачетъ. Изъ кабинета тихо выходитъ Этель. Удивленно оглядывается. Музыка прекращается)

ЭТЕЛЬ.

Гдѣ же Яковъ?

(Женя молча поднимается и рыдая выходитъ изъ комнаты въ правую дверь. У дверей столкнулась съ Маней. Этель изумленно смотритъ на нее)

ЭТЕЛЬ

(недовольно; разстроена).

Какъ ты прошла сюда? Кто тебя впустилъ?

МАНЯ.

Никто меня не впустилъ. У кого я должна спрашивать позволеніе? Какъ ты ни богата, и какъ я ни бѣдна, все-таки мы сестры. Еще могу зайти къ тебѣ безъ спроса. Когда-то вмѣстѣ въ камешки играли, когда-то сидѣли за однимъ столомъ. Вотъ такъ сидѣлъ отецъ, а тутъ мать и, слава Богу, меня считали немножко красивѣе и умнѣе тебя. Счастья твоего мнѣ только не хватало.

ЭТЕЛЬ.

Пришла уже разговаривать. Мнѣ не такъ весело, чтобы тебя слушать.

МАНЯ.

Можно подумать, что я прыгаю отъ веселья. Почему ты выгнала Диночку? Что она тебѣ сдѣлала? Вѣдь она пришла тебѣ поклониться?

ЭТЕЛЬ (хмуро).

Чего тебѣ надо отъ меня? Зачѣмъ ты приходишь меня мучить? Думай о каксй-то Динѣ! Слава Богу, у меня довольно своихъ заботъ.

МАНЯ.

Я ничего не говорю.

ЭТЕЛЬ.

Ты не говоришь? Знаю тебя. Твои глаза говорятъ. Пусти меня выйти. Смотри-ка, стала на порогѣ и не пропускаетъ!..

МАНЯ (тихо).

Я ничего не хочу отъ тебя. Я пришла только разсказать тебѣ, что мы умираемъ съ голоду. Внизу стоитъ мой Абрамъ и падаетъ съ ногъ отъ слабости. Помощи нѣтъ ни откуда. Я прощаю тебѣ, что ты выгнала мою Диночку. Я прощаю тебѣ твои двѣнадцать комнатъ и то, что ты купаешься въ золотѣ; прощаю даже и то, что ты меня, свою сестру, не хотѣла вытащить изъ грязи, изъ этой бѣдноты, изъ этихъ скорбей. (Заплакала) Помоги мнѣ теперь...

ЭТЕЛЬ.

А я тебѣ сто разъ говорила, что я не Ротшильдъ. Мнѣ не у кого взять денегъ. Ты думаешь, что золото у меня въ рукахъ? А если бы и было? Значитъ, я должна тебѣ все отдать? Ты моя сестра, но теперь нѣтъ родства. Всякій живетъ для себя. Былъ бы твой мужъ умнѣе, дѣльнѣе, ты бы тоже достигла богатства. У меня есть люди поближе, чѣмъ ты. Спроси-ка сколько стоитъ вести хозяйство. Сколько стоятъ слуги, лошади, конюхи? Сколько нужно для дѣтей. И ничего не

остается для другихъ. Теперь мельница стоитъ, а когда мельница стоитъ, то все равно, что мать умерла. Пропусти меня. Ты видѣла, моя Женичка плакала?

МАНЯ.

Я не уйду отсюда. Мнѣ некуда идти. Лягу здѣсь и умру. Хорошо, нѣтъ родства. Пусть! Я не сестра, я, просто, бѣдная, несчастная женщина. Я пришла къ тебѣ. Я оглядываюсь и глаза не выносятъ блеска твоего богатства. Дома у меня холодно, въ окнахъ стеколъ нѣтъ, со стѣнъ течетъ зеленая вода. Каждая вещь, которая здѣсь валяется, могла бы осчастливить меня на всю жизнь. Смягчи свое сердце. Взгляни на меня и на себя: мы вѣдь дѣти одной матери. Ты вся сіяешь, а я худа, какъ загнанная лошадь, и годилась бы тебѣ въ матери. Мои руки такъ высохли, что въ нихъ едва бьются жилы.

ЭТЕЛЬ.

Кто же виноватъ? Плачься на Бога. Пусть мужъ работаетъ... Развѣ мой Давидъ отказывался когда-нибудь отъ работы? Никогда! Онъ всегда думалъ о томъ, чтобы дѣлать деньги. Пусть твой мужъ тоже работаетъ, пусть дѣти работаютъ. Не жрите столько, не покупайте туфелекъ, шляпокъ, корсетовъ и изъ этихъ копеекъ соберутся рубли.

МАНЯ (мрачно).

Пусть то, что мы тратимъ на шляпки, достанется моимъ близкимъ и далекимъ врагамъ на всю жизнь.

ЭТЕЛЬ (сердито).

Ты еще проклинаешь? Ты! Ничтожная! Какъ же имѣть дѣло съ такими людьми, какъ вы? Ты бы вѣдь меня зарѣзала. За что? Развѣ мы ограбили кого-нибудь? Что вамъ сдѣлалъ Давидъ? Если его мельница кормитъ васъ, то этимъ онъ плохъ? Кого Давидъ обп-

дѣлъ? Всю жизнь онъ думаетъ о васъ. Изъ-за васъ нѣтъ ни дня, ни ночи. А чѣмъ вы платите за это?

МАНЯ.

Прошу тебя... помоги мнѣ.

ЭТЕЛЬ.

У меня нѣтъ денегъ.

МАНЯ.

А я перебью всѣ твои стекла. А я буду бѣгать по улицамъ и кричать: народъ, смотрите, какъ Этель Гросманъ поступаетъ съ своей несчастной сестрой! (Изступленно) А я повѣшусь у твоихъ дверей.

(На крикъ вбѣгаетъ Гросманъ. За нимъ почтительно входитъ Германъ)

ГРОСМАНЪ.

Что тутъ за крикъ? Кто это?

ЭТЕЛЬ.

Это Маня. Она кричитъ, что ей плохо. Если нуждаешься въ помощи, то развѣ такими словами требуютъ?

МАНЯ (возбужденно).

Вы, Гросманъ, мой шуринъ, а она моя сестра...

ГРОСМАНЪ

(въ гнѣвѣ затопалъ ногами).

Вонъ отсюда!

МАНЯ.

Ну, выбросьте меня. Вотъ это я хочу видѣть. А ну, возьмите-ка меня за плечи. Мнѣ уже все равно. Ну, жирные звѣри, выбросьте меня!.. Развѣ это люди? Эта женщина моя сестра! Собаку бы лучше мать родила.

ГРОСМАНЪ

(топаетъ ногами).

Вонъ, вонъ сейчасъ! Германъ, что же вы стоите? Вытащите ее отсюда.

ГЕРМАНЪ

(подходитъ къ Манѣ, беретъ ее за руку).

Идите отсюда. Вы вѣдь крикомъ ничего не добьетесь.

МАНЯ

(вырывается изъ его рукъ).

Разбойники! Я вамъ всѣ стекла перебью въ домѣ. Вы вѣдь пьете нашу кровь. Подождите, мы вамъ покажемъ, какъ пить. Ты, пусти меня... жирный звѣрь!

ЭТЕЛЬ.

Пустите ее, Германъ. (Бросаетъ ей рубль) На, подавись! Можешь уже проститься съ мельницей.

МАНЯ

(глядитъ на монету, которая покатилась; поднимаетъ ее съ полу)

Рубль! Богачка Гросманъ бросаетъ голодающей сестрѣ рубль! Чтобы одинъ рубль остался отъ твоего богатства. Имѣешь уже радости отъ своей Женички? Подожди, подожди. Моя правда возьметъ верхъ. Подождите, разбойники!

(Быстро уходитъ. Германъ присаживается скромно къ столу и не поднимаетъ глазъ. Гросманъ взволнованъ. Заложилъ руку за спину и ходитъ по комнатѣ)

ГРОСМАНЪ.

Вотъ положеніе еврейскаго богача. Онъ одинъ и всякихъ бѣдныхъ родственниковъ у него тысяча. Тому до зарѣзу нужны деньги, тотъ умираетъ съ голоду. Этому найди службу. Воспитывай на свой счетъ десятокъ юношей и выдавай имъ стипендію. Благотворительныя учрежденія требуютъ пожертвованій, и кто только хочетъ, расхищаетъ твое состояніе. Почему? Потому что ты еврейскій богачъ. Къ русскому богачу никто не посмѣетъ явиться. А попробуй отказать—и ты разбойникъ!

ЭТЕЛЬ (робко).

Выбрось ее уже изъ головы. Сегодня Яковъ опять приходилъ.

ГРОСМАНЪ.

Не хочу слушать объ этомъ. Пусть идутъ къ чорту всѣ Яковы!..

ГЕРМАНЪ (скромно).

Надо было ей выбросить что-нибудь. Меньше собакой,—меньше лая.

ЭТЕЛЬ.

Но у меня нѣтъ столько денегъ. Пусть бы Давидъ далъ мнѣ сто рублей и сказалъ: эти деньги отдай сестрѣ. Подумайте, Германъ, сколько мнѣ нужно ежедневно расходовать.

ГРОСМАНЪ.

У нея никогда нѣтъ денегъ, Германъ. Дайте ей тысячу рублей и черезъ минуту она скажетъ: у меня нѣтъ денегъ.

ЭТЕЛЬ.

Когда я получала отъ тебя тысячи?

ГЕРМАНЪ.

Я не о Манѣ говорю. Я хотѣлъ только сказать, что теперь ихъ не слѣдуетъ раздражать. Они и такъ голову потеряли.

ГРОСМАНЪ.

А я говорю вамъ, Германъ, что плюю на рабочихъ и на революцію, и на все. Я никого и ничего не боюсь. Если бы они даже съ ума сошли отъ перваго до послѣдняго,—они ничего не получатъ. Не раздражайте меня.

ЭТЕЛЬ.

Дай ему хоть слово сказать. Вѣроятно, онъ знаетъ, что говоритъ.

ГРОСМАНЪ.

Ты молчи. Не твое дѣло. Не вмѣшивайся...

ГЕРМАНЪ.

Вы знаете, мадамъ Гросманъ, мою преданность вамъ. Вы меня вытащили изъ нищеты. И если бы вы сказали мнѣ: Германъ, бросься въ огонь, я закрылъ бы глаза и бросился въ огонь. Вѣрьте же моимъ словамъ. Послѣ той проклятой большой забастовки рабочіе превратились въ звѣрей. Во всемъ городѣ вы не найдете одного порядочнаго рабочаго. Волненія и слухи и все, что происходитъ въ эти проклятые мѣсяцы, дѣйствуетъ на нихъ, какъ огонь на порохъ. Они всѣ ходятъ съ глазами, налитыми кровью и съ сжатыми кулаками.

ЭТЕЛЬ (въ страхѣ).

Слышишь, что онъ разсказываетъ?

ГРОСМАНЪ (сухо).

Пусть разсказываетъ... Мы уѣдемъ...

ГЕРМАНЪ.

Это другое дѣло. Еще недѣлю тому назадъ я думалъ, что все въ нашихъ рукахъ, а теперь я уже не вѣрю. Волненіе велико. Никто не знаетъ хорошо, чего хочетъ, и всѣ кипятъ, какъ въ котлѣ. Дѣлается страшно!..

ГРОСМАНЪ.

Если нужно будетъ, —я уѣду. Пусть все погибнетъ, а я не сдамся. Вы, можетъ быть, думаете, что я боюсь, если согласенъ уѣхать? Ошибаетесь. У меня свой планъ, я же смѣюсь надъ ними. Все это пустяки, вздоръ...

ГЕРМАНЪ.

Дай Богъ, дай Богъ!..

ГРОСМАНЪ.

У васъ, Германъ, маленькая голова и вы не пони-

маете, что происходитъ. Надо подняться высоко и сверху посмотрѣть внизъ. Тогда вамъ все откроется. Есть что-то постарше насъ съ вами, Германъ. Это наша власть. Эту власть хотятъ отнять у насъ, но мы не отдадимъ ея. Она должна существовать. Поднимитесь, Германъ, еще выше. Вотъ она, власть! Въ золотѣ и съ мечомъ. Поклонимся ей!..

ГЕРМАНЪ.

Это не для моей головы.

ГРОСМАНЪ.

Потому вы и трусите, что не понимаете. Нужно, Германъ, дать развиться силѣ и задушить ее... Мы обезоружимъ ихъ, и впряжемъ всѣхъ въ нашу колесницу. Я, Германъ, самъ работалъ, знаю ихъ силы, знаю, чего они хотятъ, но знаю теперь, кто мы.

ГЕРМАНЪ.

Я не могу съ вами спорить. Мое дѣло сказать, что всѣ мы стоимъ теперь на пороховомъ погребѣ, что можетъ произойти взрывъ, отъ котораго ничего цѣлымъ не останется.

ГРОСМАНЪ (взволнованно).

Нѣтъ такого взрыва, котораго не могли бы сдержать крѣпкія стѣны. Посмотрите, Германъ, кругомъ себя. Вѣдь то, что совершается кругомъ насъ, не есть только мое дѣло. Вопросъ стоитъ такъ: власть для однихъ или власть для всѣхъ. Я стою тутъ на сторожѣ и говорю: нѣтъ!.. Я говорю всѣмъ, имѣющимъ власть: нѣтъ, ни одной уступки. Я говорю всему міру: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Оставимъ это. Все равно, вы не поймете. Что вы хотѣли сказать?

ЭТЕЛЬ.

Мнѣ страшно. Я бы спряталась въ самомъ глухомъ мѣстѣ. Когда мы были бѣдны, намъ было хорошо. Мы жили спокойно.

ГРОСМАНЪ.

Молчи.

ГЕРМАНЪ.

Я самъ все испробовалъ. На-дняхъ я призвалъ къ себѣ Степана. Онъ пользуется вліяніемъ среди своихъ. Степанъ, началъ я, что же ты дѣлаешь? Ты русскій человѣкъ? Какъ тебѣ не стыдно водиться съ евреями? У тебя крестъ, у нихъ что? Кто дѣлаетъ смуту, какъ не евреи? Кто бунтуетъ, если не евреи? Ничего не помогло!

ГРОСМАНЪ.

Вы хорошо сдѣлали, что такъ говорили о евреяхъ. Это должно подѣйствовать.

ЭТЕЛЬ.

Зачѣмъ трогать евреевъ?

ГРОСМАНЪ.

Какое тебѣ дѣло? Много добра ты видѣла отъ евреевъ?

ЭТЕЛЬ.

Я знаю одно: евреевъ не нужно трогать...

ГЕРМАНЪ.

Чѣмъ же отвѣтилъ Степанъ? Пришелъ вечеромъ и разбилъ камнями окна въ моей квартирѣ.

ЭТЕЛЬ.

Вотъ видишь, Давидъ. Уступи имъ хоть что-нибудь... Станетъ спокойнѣе. Развѣ ты имѣешь дѣло съ людьми? Это вѣдь дикіе звѣри...

ГРОСМАНЪ.

Пусть звѣри... Не твое дѣло. Я говорю, нѣтъ. Такъ и будетъ.

ГЕРМАНЪ.

Хорошо. Можно подождать еще нѣсколько дней. Только... Только...

ГРОСМАНЪ.

Что только?

ГЕРМАНЪ.

Мнѣ тяжело причинить вамъ горе...

ГРОСМАНЪ.

Какое горе? Что вы тянете?

ЭТЕЛЬ (испуганно).

Боже мой, что еще?

ГЕРМАНЪ.

Я преданъ вамъ и долженъ всю правду открыть. Я бы даже открылъ ее, если бы былъ постороннимъ— просто изъ сожалѣнія къ юношѣ.

ГРОСМАНЪ.

Чортъ васъ возьми, Германъ. Вы тянете изъ меня жилы.

ГЕРМАНЪ (нерѣшительно)

Вы... знаете, кто противъ васъ?

ГРОСМАНЪ.

Какъ... Кто?

ЭТЕЛЬ.

Боже мой!..

ГЕРМАНЪ.

Въ дѣлѣ вѣдь замѣшанъ вашъ сынъ, господинъ Александръ. Вотъ правда, которую я узналъ.

ГРОСМАНЪ (съ крикомъ).

Это!..

ЭТЕЛЬ (всплеснула руками).

Сашенька!..

ГЕРМАНЪ.

И то, что господинъ Александръ въ забастовкѣ...

ГРОСМАНЪ (обрываетъ его).

Мой Саша? Неправда! Противъ меня!.. Не вѣрю!..

ЭТЕЛЬ.

Ты таки не вѣрь, Давидъ, не вѣрь...

ГЕРМАНЪ.

Мои люди мнѣ сказали.

ГРОСМАНЪ.

Мой сынъ? Ложь!.. Этель, гдѣ онъ? Позови его сейчасъ же сюда. Притащи его. Неправда, Германъ. Голову даю. Что, Этель, хорошихъ дѣтей ты родила? (Этель, сгорбившись, выходитъ) Поклянитесь, Германъ, что это правда!

ГЕРМАНЪ.

Клянусь...

ГРОСМАНЪ.

Такъ у меня нѣтъ больше сына (Кричитъ) Этель, Этель, скорѣе! Терпѣніе мое истощилось!..

ЭТЕЛЬ (вбѣгаетъ).

Его нѣтъ дома. (Дрожитъ) Давидочка...

ГРОСМАНЪ.

Такъ послать за нимъ. Отыскать его. (Къ себѣ) Тише, Гросманъ, тише. Не падай духомъ...

ГЕРМАНЪ.

Господинъ Гросманъ, что съ вами?

ЭТЕЛЬ.

Давидочка, мой дорогой Давидъ!.. Тебя прошу! Вотъ стану на колѣни передъ тобой. Только ты успокойся, только ты. Не смотри на дѣтей—только ты!..

ГРОСМАНЪ.

Уйди! Тише, Гросманъ, тише... Ты зналъ своего сына? Этель, въ первый разъ мы сойдемся съ нимъ лицомъ къ лицу. Мы разсмотримъ другъ друга. Тише, Гросманъ, тише... Что ты сдѣлалъ, чтобы знать своего сына? Кто у тебя въ домѣ?

ГЕРМАНЪ.

Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ?!..

ГРОСМАНЪ.

Ступайте, Германъ. Работайте. Я не сдаюсь. (Сердито) Не раздражайте же меня своими отвѣтами. Ступайте!..

ЭТЕЛЬ.

Идите, идите. Вы видите, что съ нимъ. Ахъ, Германъ, печали вы принесли въ нашъ домъ, острый ножъ вы вонзили въ мое сердце...

ГЕРМАНЪ (бормочетъ).

Я долженъ былъ донести.

(Выходитъ. Гросманъ большими шагами ходитъ по комнатѣ)

ЭТЕЛЬ (умоляюще).

Давидъ, Давидочка!..

ГРОСМАНЪ

А, что?

ЭТЕЛЬ.

О чёмъ ты думаешь? Не надо думать, не надо! Прогони свой гнѣвъ... Какъ намъ хорошо было, когда мы были бѣдны. Вотъ мы богаты. Стали ли мы счастливѣе? Нѣтъ однихъ заботъ, но выросли другія, худшія. Огромныя комнаты, кругомъ роскошь, а я кружусь въ нихъ, какъ заброшенная кошка. Женя несчастна!.. Не сердись на Сашу.

ГРОСМАНЪ (разсѣянно).

Я хожу и думаю о томъ, какъ съ нимъ встрѣчусь. Намъ вѣдь нужно взглянуть другъ на друга. Этель, кажется, въ деньгахъ лежитъ что-то страшное. А? Чортъ сидитъ въ деньгахъ. Что? Ты знаешь Сашу? Мнѣ некогда было думать о немъ: Кто такой Саша? Какой онъ, высокій или низенькій? Выросли ли у него усы. Какой у него голосъ, громкій или тихій?

ЭТЕЛЬ.

Нашъ Саша красивъ... Онъ добръ... Больше я ничего не знаю.

ГРОСМАНЪ (задумчиво).

Почему же мы ничего не знаемъ?

ЭТЕЛЬ.

Присядь, Давидъ. Я буду говорить и ты успокоишься. Никогда мы не разговариваемъ просто, какъ мужъ съ женой. Когда мы жили, Давидъ? Кажется... никогда!..

ГРОСМАНЪ.

Ты говоришь, что Женя несчастна? Почему она несчастна? Пустяки! О чемъ я говорю? Ну, а кто такое Маша?

ЭТЕЛЬ.

Люблю ее... но... ничего не знаю.

ГРОСМАНЪ.

А Петя?

ЭТЕЛЬ (бормочетъ).

Петя, Петя... Люблю, дрожу...

ГРОСМАНЪ (вспыхиваетъ).

Такъ всѣ они собаки? Всѣ мои! Что такое дѣти? Что такое мои? А если мои?..

ЭТЕЛЬ.

Вотъ кровь опять тебѣ бросилась въ голову. Вотъ ты опять теряешь разсудокъ. Что дѣти? Только ты,— только ты!.. Тебя прошу...

ГРОСМАНЪ

(встаетъ и идетъ въ кабинетъ. Этель слѣдуетъ за нимъ. Сильно).

Нѣтъ, нѣтъ! Кто я? Я Гросманъ! Гросманъ останется Гросманомъ... Мои дѣти! Скажите! Мои дѣти!..

ПЕТЯ

(входитъ съ собакой, садится у стола).

Байронъ, сюда!

(Вынимаетъ портсигаръ и закуриваетъ. Позвонилъ. Входитъ горничная)

ПЕТЯ (вдругъ).

Вонъ! (Горничная испуганно убѣгаетъ. Онъ насвистываетъ, подходитъ къ буфету, достаетъ шоколадъ и ѣстъ. Опять звонитъ. Снова является горничная) Вонъ!

(Расхохотался. Кормитъ собаку шоколадомъ)

ВАЙЦЪ (входитъ).

Я васъ ищу во всѣхъ комнатахъ. Пора заниматься.

ПЕТЯ

(кормитъ собаку).

Не хочу!..

ВАЙЦЪ.

Вы не можете не хотѣть. Мнѣ тяжело получать здѣсь даромъ деньги.

ПЕТЯ.

Если вамъ платятъ, то это все равно.

ВАЙЦЪ.

Я не могу съ вами объ этомъ спорить. Не будьте только грубымъ. Это одно, о чемъ я прошу. Я имѣю право требовать этого отъ васъ.

ПЕТЯ

(пожимаетъ плечами).

Не понимаю!..

(Насвистываетъ и возится съ собакой)

ВАЙЦЪ.

Какъ мнѣ ни тяжело, но я принужденъ буду сообщить вашему отцу о вашихъ отказахъ заниматься.

ПЕТЯ.

Послушайте, Вайцъ. Сколько разъ нужно вамъ повторять, что я не боюсь отца. Подумаешь—отецъ!.. Получаете жалованье и будьте довольны...

ВАЙЦЪ.

Вы ставите меня въ тяжелое положеніе. Въ сущности я сейчасъ же долженъ былъ бы уйти изъ этого дома и... не могу. На моихъ плечахъ большая семья. Поймите это и прекратите ваши нападки.

ПЕТЯ (грубо.).

Какое мнѣ дѣло до вашей семьи? (Смотритъ на Вайца Смѣется) Байронъ, сюда!..

(Насвистывая уходитъ. Вайцъ опустилъ голову. Сидитъ задумавшись)

МАША

(входитъ. Обходитъ съ скучающимъ видомъ комнату. Садится въ углу).

Только что играла!.. Бросила! Пришла сюда изъ десятой комнаты и теперь буду сидѣть здѣсь, какъ бы кому-то на зло. Буду думать, что мнѣ весело. (Закрываетъ глаза) Вотъ, Вайцъ...

ВАЙЦЪ

(прерываетъ ее).

Петя меня только-что оскорбилъ... Почему же я не ухожу?

(Машетъ рукой)

МАША

(полузакрыла глаза).

Вотъ, Вайцъ, вокругъ меня избранное общество, кавалеры и дамы. Они ведутъ блестящій разговоръ по-французски. Красавецъ корнетъ возбуждаетъ общее вниманіе. Посмотрите, Вайцъ, вотъ онъ встаетъ. Какъ онъ изященъ! Онъ постукиваетъ шпорами. Онъ прошелъ мимо и обдалъ меня огненнымъ взглядомъ. Я

опустила глаза. Вотъ онъ наступилъ мнѣ на ногу и я вскрикнула. Вайцъ, всѣ оглянулись въ мою сторону. Разговоры смолкли. Какъ ясно пахнетъ фіалками. Вы, Вайцъ, хотите наказать дерзкаго!.. Вы въ мундирѣ и стройны. Какъ чудно пахнетъ фіалками. Корнетъ поблѣднѣлъ. Вы подходите и бросаете ему перчатку въ лицо. (Съ крикомъ) Вайцъ, вы дали ему пощечину! Вы дали ему пощечину!..

ВАЙЦЪ.

Зачѣмъ смѣяться надо мной?

МАША.

Нѣтъ, я не смѣюсь. Я никого не вижу вокругъ себя. Поднимитесь, выпрямитесь! Почему вы сидите всегда сгорбившись? Развѣ трудно сдѣлаться стройнымъ, мужественнымъ? Вы вѣдь мужчина! У васъ гордыя цѣли впереди. Я съ вами!.. (Усталымъ голосомъ) Какъ все скучно, Вайцъ! я чувствую, что угасаю. Вотъ брошенъ сорванный цвѣтокъ...

ВАЙЦЪ.

У васъ чудная душа. Когда я слышу вашъ голосъ, все благородное, что живетъ во мнѣ, пробуждается. Маша, на моихъ глазахъ погибаетъ человѣкъ!..

МАША (угрюмо).

Пусть гибнетъ!.. Зачѣмъ жить?

ВАЙЦЪ.

Зачѣмъ? Есть одна святая цѣль въ жизни. Это борьба за счастье своего угнетеннаго народа. Но это не для насъ. Есть, Маша, еще одна великая радость, которая можетъ заполнить жизнь. Это радость о томъ, что существуетъ Европа. Въ Европѣ, Маша, работаютъ. Это великое утѣшеніе. Европа работаетъ! Тутъ тьма, ужасъ, а тамъ въ лабораторіяхъ ищутъ рѣшеній міровыхъ загадокъ. Идутъ грандіозные поиски. Тайны раскрываются. Вырабатываются новыя формы искусства, переo-

цѣнивають старыя формулы науки. Тамъ въ университетахъ профессора разбрасывають сѣмена знанія и пріобщають народы къ высшему пониманію жизни. Уничтожають варварство, убивають пошлость.

МАША.

А я не родилась въ Европѣ. Какъ жалко! Зачѣмъ вы говорите мнѣ о народѣ? Мнѣ? Вы проливаете драгоцѣннѣйшія слезы на камень.

ВАЙЦЪ.

Маша!..

МАША.

Зачѣмъ же вы говорите мнѣ о народѣ? Гдѣ? Здѣсь! (Смѣется) Въ этомъ домѣ мертвыхъ людей? Вѣдь мы не евреи и не христіане! Вѣдь Петя способенъ затравить еврея собаками... Молчите о народѣ... (Пауза) Я сижу и гляжу на васъ... (Вдругъ) Вайцъ, хотите бѣжать со мной?..

ВАЙЦЪ.

Что вы сказали? (Испуганно) Маша!..

МАША

(въ забытьи).

Вы любите меня... Убѣжимъ! Украдите меня! Когда взойдетъ луна, вы постучите въ мое окно и я выйду къ вамъ. Приготовьте быстрыхъ лошадей. Мы уѣдемъ и умретъ моя тоска...

ВАЙЦЪ.

Вы издѣваетесь надо мной.

МАША.

Мнѣ страшно въ этихъ пустынныхъ комнатахъ, меня убиваетъ пошлость. (Съ тоской) Меня убиваетъ пошлость...

ВАЙЦЪ

(дрожащимъ шопотомъ).

Я люблю васъ!..

МАША

(удивленно смотритъ на него).

Вы? Меня? (Смѣется) Учитель въ очкахъ? (Смѣется) Гувернеръ! Меня? (Вдругъ) Станьте на колѣни. Сейчасъ, я хочу! Объяснитесь мнѣ въ любви. Объяснитесь поэтически, красиво... Высокій стройный юноша!.. Высокій нѣжный юноша...

ВАЙЦЪ

(становится на колѣни).

Да, да... Но отчего же вы плачете?

(Слышны шаги)

МАША.

Сюда идутъ. Не поднимайтесь... Хочу!.. Учитель Вайцъ на колѣняхъ...

ВАЙЦЪ (тихо).

Это позоръ!..

МАША

(смотритъ на него. Устало).

Встаньте!

(Входитъ Александръ. Подаетъ Вайцу руку)

АЛЕКСАНДРЪ

(къ Вайцу).

Переписали?

ВАЙЦЪ

(долго не отвѣчаетъ. Старается подавить свое волненіе).

Переписалъ!..

АЛЕКСАНДРЪ

(звонитъ. Входитъ Горничная).

Принесите мнѣ завтракъ...

(Горничная уходитъ. Доносится голосъ Гросмана: „Саша пришелъ? Гдѣ онъ?“)

АЛЕКСАНДРЪ.

Отецъ зоветъ меня.

ГРОСМАНЪ (входитъ).

Саша!..

АЛЕКСАНДРЪ.

Я тебѣ нуженъ, папа?

ГРОСМАНЪ (грубо).

Конечно. Я вѣдь говорю: Саша!..

АЛЕКСАНДРЪ (удивленно).

Почему ты кричишь?

ГРОСМАНЪ.

Потому что я отецъ и могу кричать.

АЛЕКСАНДРЪ (хмуро).

Ничего не понимаю.

ГРОСМАНЪ.

(рѣзко къ Вайцу и Машѣ).

Ступайте отсюда!..

(Вайцъ быстро уходитъ)

МАША.

Папа, ты не на мельницѣ.

ГРОСМАНЪ.

А я хочу быть какъ на мельницѣ. Я вамъ отецъ или нѣтъ? (Съ крикомъ) Кто здѣсь отецъ, я спрашиваю? Здѣсь въ комнатѣ кто отецъ?..

(Маша пожимаетъ плечами и выходитъ)

АЛЕКСАНДРЪ.

Ну хорошо, ты отецъ. Что дальше?

ГРОСМАНЪ.

Что дальше? Молчать! Не смѣй со мной такъ разговаривать.

АЛЕКСАНДРЪ.

Ну хорошо, хорошо. Но почему же ты все-таки кричишь?

ГРОСМАНЪ.

Почему? У тебя есть смѣлость смотрѣть мнѣ въ глаза? Гдѣ твоя совѣсть? покажи-ка ее!..

АЛЕКСАНДРЪ.

Ты заговорилъ со мной такимъ тономъ, что я перестаю отвѣчать тебѣ. (Отвернулся)

ГРОСМАНЪ

(съ гнѣвомъ повернулъ его къ себѣ).

Я тебя заставлю отвѣчать.

АЛЕКСАНДРЪ.

Прими руку...

ЭТЕЛЬ (вбѣгаетъ).

Давидъ, перестань! Вѣдь это нашъ сынъ, нашъ...

ГРОСМАНЪ (съ гнѣвомъ).

Отойди отъ меня!.. Нашъ сынъ? Это нашъ позоръ! (Александръ хочетъ уйти). Не смѣй уходить! Что? Говорю я, не смѣй уходить, или нѣтъ? Я прикажу связать тебя. Захочу и высѣку тебя. Засѣку... Замолчать!..

АЛЕКСАНДРЪ (къ матери).

Что съ нимъ сегодня?

ЭТЕЛЬ (плачетъ).

И ты тоже хорошъ. Отчего ты идешь противъ отца, противъ такого отца? Посмотри на него. Вѣдь онъ постарѣлъ на десять лѣтъ за эти полчаса горя о тебѣ. Ты его не жалѣешь? (Громко заплакала) Гдѣ наши радости отъ дѣтей? Вотъ Женя заперлась въ дѣтской и плачетъ, и не впускаетъ къ себѣ...

ГРОСМАНЪ (къ женѣ).

Довольно! (Къ сыну) Саша, вотъ я сдержалъ себя.

Кровь мнѣ бросилась въ голову, когда я тебя увидѣлъ. Вотъ опять гнѣвъ душитъ меня... Тише, Гросманъ, тише... Спокойно! хладнокровно!.. (Къ сыну) Ты учишь рабочихъ, какъ лучше сдѣлать мнѣ зло. Это не укладывается въ моей головѣ. Почему? Что я сдѣлалъ тебѣ дурного?

АЛЕКСАНДРЪ (упрямо).

Ничего...

ЭТЕЛЬ.

Но вѣдь это твой отецъ, твой!..

ГРОСМАНЪ

(вспыхнувъ. Къ женѣ).

Съ кѣмъ ты разговариваешь? Вѣдь онъ уже каторжникъ. (Повернулся къ сыну) Ты!.. (Топаетъ ногами. Минута напряженнаго молчанія. Безсмысленно оретъ) Ты проклятый соціалистъ!.. Соціалистъ! Въ моемъ домѣ! Мой сынъ!..

(Топаетъ ногами)

ЭТЕЛЬ

(ломаетъ руки).

Несчастный, несчастный!..

ГРОСМАНЪ.

Кого мы выростили? Чего же ты хочешь отъ насъ? Отвѣчай, проклятый! Можетъ быть, зарѣзать? Ну, зарѣжь меня! Спряталъ револьверъ въ карманѣ? (Хватаетъ его за рубашку) Это что за рубашка на тебѣ? Твоя? Врешь!.. Раздѣвай рубашку. Сейчасъ! Все это мое. На мои деньги купленное. Голымъ я выгоню тебя. (Горничная вноситъ завтракъ, Гросманъ бросаетъ тарелки на полъ. Съ новымъ гнѣвомъ) Вонъ отсюда сейчасъ, въ чемъ родился. Босымъ вонъ!.. Я тебѣ покажу, какъ со мной бороться. Ого, ты еще Гросмана не знаешь. Гросмана, Гросмана!.. Я убью тебя...

(Подбѣгаетъ къ нему и поднимаетъ угрожающе руку)

АЛЕКСАНДРЪ (спокойно).

Ну?

ЭТЕЛЬ (вскрикнула).

Что же ты хотѣлъ сдѣлать, Давидъ? Кого ты хотѣлъ ударить? Сашенька, уйди теперь.

ГРОСМАНЪ

(грозно къ сыну).

Проклятъ ты будь!.. (Къ женѣ) Ты его выростила такимъ!.. Сашенька, Сашенька!.. Вотъ онъ, Сашенька. Посмотри на его лицо. Развѣ онъ похожъ на насъ? У него ножъ въ рукахъ. (Опять изступленно) Что же ты молчишь, проклятый?

(Топаетъ ногами. Александръ упрямо молчитъ)

ЭТЕЛЬ.

Можетъ быть, ты еще хочешь бросить насъ? (Изступленно) Нѣтъ, нѣтъ, я не пущу тебя... Я не хочу! Ты мой! Нѣтъ! нѣтъ!.. Я тебя на рукахъ носила, своимъ молокомъ вскормила. Нѣтъ, нѣтъ, сыночекъ мой, дорогой мой!..

ГРОСМАНЪ (съ бѣшенствомъ).

Скажи же что-нибудь... Говори!..

(Топаетъ ногами. Слышенъ выстрѣлъ. Этель присѣла отъ ужаса).

ЭТЕЛЬ.

Боже мой!.. Несчастье! Что-то сердце мое плакало весь день. Боже мой!..

(Выбѣгаетъ. Доносится шумъ и крики)

ГРОСМАНЪ (обернулся).

Что тамъ такое?.. Что тамъ?..

ЭТЕЛЬ

(вбѣгаетъ, рветъ на себѣ волосы).

Застрѣлилась! Женичка застрѣлилась! Давидъ, Давидъ, я умираю. Конецъ нашей жизни!..

(Всѣ вскрикнули. Александръ бросается въ комнаты, Гросманъ бѣжитъ за нимъ. Этель въ изнеможеніи падаетъ на стулъ).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кабинетъ Гросмана. Большая, богато убранная комната. Два венеціанскихъ окна выходятъ на площадь. Изъ нихъ днемъ видна мельница какъ на ладони. Теперь же едва вырисовывается мрачный силуэтъ всѣхъ ея зданій. Въ комнатѣ два письменныхъ стола, одинъ новый роскошный, за которымъ Гросманъ принимаетъ посѣтителей, другой простой. Гросманъ вѣритъ, что этотъ принесъ ему счастье и, находясь среди своихъ, обыкновенно сидитъ за старымъ столомъ. Налѣво желѣзная касса. У стѣны два дорожныхъ сундука. Комната освѣщается электричествомъ. Кругомъ бездѣлушки, картины въ золоченыхъ рамахъ и отдѣльно большой портретъ Гросмана. Двѣ двери. Справа кушетка. На ней отдыхаетъ Женя. Рука у нея подвязана послѣ неудачнаго выстрѣла. За столомъ сидитъ Гросманъ и куритъ сигару. Противъ него Этель. Эршъ, держа шапку въ рукѣ, стоитъ въ почтительной позѣ и слушаетъ. Изрѣдка доносится глухой шумъ голосовъ.

ГРОСМАНЪ.

Вамъ, Эршъ, слѣдуетъ за работу пятьдесятъ рублей. (Вынимаетъ кошелекъ изъ кармана и считаетъ) У меня въ кошелькѣ всего тридцать рублей. Возьмите пока тридцать. Когда пріѣду, сосчитаемся.

ЭРШЪ.

Хотѣлъ бы, конечно, всѣ получить, господинъ Гросманъ. Такое тяжелое время... Но если вы такъ хотите, то пусть будетъ такъ, какъ вы хотите.

ГРОСМАНЪ

(сквозь зубы).

Вы вѣдь старый плутъ, знаю васъ. Готовъ даже побиться объ закладъ, что вы меня на-половину надули. (Смѣется) Но я не сержусь. Мнѣ нравится, что вы старый плутъ, и я люблю, когда меня надуваютъ... наполовину. Обманывайте дурака Гросмана, грабьте его.

ЭТЕЛЬ.

Зачѣмъ ты мучишь человѣка?

ЭРШЪ.

Э, они мучатъ. Я даже не чувствую. (Заискивающе) Можетъ быть, господинъ Гросманъ, у васъ найдется еще десять рублей?

ГРОСМАНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ. Ни одной копейки. (Смотритъ въ кошелекъ) Я сказалъ неправду. Въ кошелькѣ осталась одна ко-

пейка. (Смѣется) У Гросмана въ кошелькѣ одна копейка. (Эршъ подобострастно улыбается) Итакъ, Эршъ, мы въ разсчетѣ. Передайте тамъ всѣмъ этимъ мерзавцамъ, что завтра Гросманъ уѣзжаетъ съ курьерскимъ поѣздомъ въ Европу. Вотъ видите, даже сундуки запакованы. Выбрали пять негодяевъ и думали, что Гросманъ станетъ съ ними разговаривать. Дураки! Что? Вы говорите, что они шумятъ тамъ. Очень хорошо. Для меня это только пріятная музыка. Я отлично засну.

ЭРШЪ.

Такъ вы въ самомъ дѣлѣ уѣзжаете? Что-то все не вѣрилось. Говорили, говорили, а вотъ и правдой сдѣлалось. Пойдетъ теперь голодъ...

ГРОСМАНЪ (довольный).

Теперь пойдетъ хорошій голодъ. Хорошій кусочекъ голода. Они будутъ кушать воздухъ. Когда же я вернусь, то предложу устроить маленькій союзъ противъ рабочихъ. Къ моему пріѣзду глупая революція будетъ раздавлена и станетъ весело.

ЭРШЪ (убѣжденно).

Вы еще найдете средство бороться съ ними. Еще есть и есть и есть...

ЖЕНЯ.

Папа, довольно, мнѣ скучно...

ГРОСМАНЪ.

Высунь, Женичка, голову изъ окна, и услышишь, какъ рабочіе начинаютъ мяукать передъ голодомъ. Это тебя развеселитъ.

ЭТЕЛЬ.

Къ чему эти шутки? Тамъ вѣдь евреи! И душа моя что-то не спокойна. Что вы скажете, Эршъ? Вѣдь нисколько не весело. Страна горитъ, кипитъ, кричитъ, кровь льется. (Со вздохомъ) Нѣтъ спокойствія, Эршъ, нѣтъ его и надо уѣзжать. Не завидуйте намъ.

ЭРШЪ.

Я никогда никому не завидовалъ. Я иду своей дорогой. Сторонкой я иду. Что Богъ далъ мнѣ, то и хорошо.

ЭТЕЛЬ.

И что они выиграли, спрошу васъ? Мнѣ вѣдь жаль евреевъ. Вотъ онъ уѣзжаетъ. Будетъ мельница стоять, какъ покойникъ, и всѣхъ пугать. Дѣти начнутъ умирать.

ЭРШЪ.

Уже будутъ умирать, мадамъ Гросманъ! Они хотѣли болячекъ? Теперь они ихъ имѣютъ. Такъ уже плохо стало, какъ никогда не бывало. А шайка шарлатановъ собирается, оретъ, всѣ потеряли голову, изъ каждой квартирки несется вой и проклятія. Ай, какъ тамъ плохо!..

ЭТЕЛЬ.

Мнѣ хотѣлось бы только одно понять. Что имъ сдѣлалъ мой мужъ, что? Или онъ ихъ мучилъ? Или придирался, или не платилъ? Чего можно желать отъ такого человѣка, какъ Давидъ? Могъ онъ, и прибавилъ имъ въ прошломъ году. Спросите, чего онъ не сдѣлалъ для нихъ? Я всегда говорила: надо быть плохимъ къ людямъ и они будутъ тебя почитать.

ЭРШЪ (осторожно).

Положимъ, доброта немножко лучше. Не скажу на много, но немножечко лучше. Доброта не мѣшаетъ...

ЭТЕЛЬ.

Какъ же лучше, когда они называютъ его разбойникомъ? Посмотрите на этого разбойника. Вѣдь онъ ограбилъ весь міръ.

ГРОСМАНЪ.

Присядьте-ка здѣсь, Эршъ. Дѣло это прошлое, сундуки уложены, но между нами, скажите, кого я оби-

дѣлъ въ своей жизни? Ударилъ ли я когда-нибудь рабочаго? Если Германъ давалъ иногда волю своимъ рукамъ, то онъ вѣдь Германъ. Вѣдь это разбойникъ! Но я, я? Чего же они хотятъ? Чтобы я открылъ имъ свою кассу,—вотъ эту кассу, посмотрите на нее,—и ушелъ? Но я еще, благодареніе Богу, не сошелъ съ ума? Что, Эршъ? Или, можетъ быть, вы бы это сдѣлали? Сядьте же Эршъ. Васъ же просятъ.

ЭРШЪ (уклончиво).

Господинъ Гросманъ, мнѣ надо идти работать. Вотъ на этомъ горбу, хотя уже и взрослые, но все еще сидятъ дѣти: дочь, сынъ и еще сынъ. И сѣсть я тоже не могу. Что значитъ сѣсть? Развѣ я не знаю своего мѣста? Вы, слава Богу, господинъ Гросманъ, я... слава Богу, Эршъ! Слава Богу! Могу постоять... (Улыбается) У меня, господинъ Гросманъ, живетъ сапожникъ, Шмиль его имя. Человѣчекъ! Ничего себѣ человѣчекъ! И шутливый. Онъ любитъ говорить такъ: „человѣкъ! Что такое человѣкъ? Это король земли... Король!“ Ну, такъ я изъ тѣхъ королей земли, которые могутъ постоять передъ господиномъ Гросманомъ.

ГРОСМАНЪ
(недовольный сердится).

Вотъ это мнѣ не нравится. Вашъ Шмиль—большой большой дуракъ и, вѣроятно, шарлатанъ. Это онъ, вѣроятно, портитъ людей, которые работаютъ. Изъ-за такихъ Шмилей останавливаются мельницы, рабочіе бунтуютъ, а хозяева должны уѣзжать въ Европу. Человѣкъ—король земли! Нѣтъ, Эршъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Если бы Шмили вотъ такъ говорили, тогда было бы тихо. Сядьте же Эршъ, не упрямьтесь!..

ЭРШЪ.

А я всегда говорилъ, что господинъ Гросманъ вѣдь

король!.. Домъ, какъ у короля, слава Богу... Денегъ какъ у короля.

ГРОСМАНЪ.

А они, вамъ, конечно, не вѣрили?.. Старая исторія. Но они должны будутъ повѣрить. Я сдѣлаю такъ, что они Гросмана запомнятъ. Внукамъ будутъ разсказывать о Гросманѣ. Я имъ покажу, кто король и кто не король. Первое, Эршъ,—ни одинъ еврей не будетъ работать больше на моей мельницѣ. (Встаетъ) Ни одинъ!.. Мнѣ не нужно евреевъ. Зачѣмъ они? Развѣ безъ нихъ нельзя дѣла вести? Этихъ шарлатановъ къ чорту. Только русскіе найдутъ работу на моей мельницѣ... Это во-первыхъ...

ЭТЕЛЬ.

Видите, Эршъ. Все это имъ очень нужно было?

ЭРШЪ (смущенно).

Да, мадамъ Гросманъ. (Осторожно) Господинъ Гросманъ, мнѣ нужно пойти домой. Становится поздно...

(Женя повернулась спиной къ Эршу и закрыла уши)

ГРОСМАНЪ.

Успѣете, Эршъ. Вѣдь главнаго я вамъ еще не сказалъ. Если, Эршъ, я по пріѣздѣ вспомню о комъ-нибудь, то, конечно, о васъ.

ЭРШЪ

(почувствовалъ угрозу. Испуганно. Старается улыбнуться).

Обо мнѣ? Почему обо мнѣ? Никого уже другого въ городѣ не осталось?

ГРОСМАНЪ.

Не притворяйтесь овечкой. Миронъ вашъ сынъ или не вашъ? Кто кричалъ громче всѣхъ? Кто? Кто приходилъ со мной разговаривать? Со мной!.. Я, положимъ, показалъ ему разговоры!.. Больше уже не осмѣлится! Но вы-то, Эршъ! Гдѣ вы были? Такого отца на куски

разрѣзать нужно, если онъ не учитъ добру своего сына.

ЭРШЪ (быстро).

Это не правда, господинъ Гросманъ. (Посовѣстился) Можетъ быть, чуточка правда!.. Можетъ быть!.. Въ каждой неправдѣ есть чуточка правды и въ каждой правдѣ есть немножечко неправды. Но, какъ теперь ночь на землѣ, виновата сестра мадамъ Гросманъ, Маня. Это она проклинаетъ. Это она бѣгаетъ изъ квартиры въ квартиру и кричитъ, что надо мельницу сжечь...

ЭТЕЛЬ.

Кто вамъ повѣритъ, Эршъ? Маню чортъ можетъ таки унести. Я знаю свою Маню. Но подобнаго Мирона, какъ вашъ, земля еще не рожала. Кто испортилъ моего сына, какъ не Миронъ?..

ЭРШЪ (съ ужасомъ).

Какъ, вы и этому вѣрите? Ахъ мадамъ Гросманъ, мадамъ Гросманъ! Въ самое больное мѣсто моего сердца вы ударили меня. Вѣдь я отецъ! Развѣ я не отецъ? Можетъ быть, у него матери нѣтъ, и мы не проливаемъ слезъ по ночамъ? Что вы сказали? Я живу на свѣтѣ пятьдесятъ пять лѣтъ и каждый день съ одной только молитвой обращаюсь къ Богу. „Богъ, прошу я, сдѣлай такъ, чтобы все было по-старому, — пусть все останется на мѣстѣ, какъ было...“ Къ чему эти перемѣны, къ чему этотъ крикъ? Развѣ бѣдная земля мало страдаетъ? Посмотри на бѣдную землю. Какъ дитя вѣдь она плачетъ, какъ барашекъ обливается кровью. Пусть будетъ по-старому!.. Я не учу своего сына добру? Я? Господинъ Гросманъ, — вы отецъ и я отецъ, чтобы вы ни говорили. Вы плачете у себя, а мы у себя. Вѣдь моего бѣднаго Мирона испортилъ господинъ Александръ. Мой Миронъ пошелъ въ меня. Онъ былъ, какъ дѣвушка.

ЭТЕЛЬ.

Перестаньте, Эршъ. Камни сами поднимутся и побьютъ васъ.

ЭРШЪ.

Мадамъ Гросманъ, вѣрьте мнѣ, развѣ я не умолялъ вашего сына? Вѣдь я на колѣни становился передъ нимъ. Господинъ Александръ, ахъ господинъ Александръ, зачѣмъ вы ходите ко мнѣ? Развѣ вы не сынъ господина Гросмана? Вы богачъ, мой сынъ рабочій... Просите,—развѣ помогаетъ? Ахъ господинъ Гросманъ,— все перевернулось. Смѣшанный съ кровью палъ туманъ на несчастную землю...

ЭТЕЛЬ.

А я вамъ говорю, Эршъ, что вашъ сынъ погубилъ нашего.

ЭРШЪ (умоляетъ).

Мадамъ Гросманъ!..

ЭТЕЛЬ.

А я вамъ говорю, что вашъ погубилъ нашего. Кому вы хотите голову затуманить? Кого вы хотите увѣрить, что богатый, нѣжный, образованный человѣкъ самъ пошелъ къ рабочему? Никогда этого не могло быть, если бы его не испортили. Чего бы мнѣ не хватало, если бы Саша не знался съ Мирономъ?.. А теперь плачь, говори, бейся головой о стѣну, — напрасно: пропалъ сынъ!..

ГРОСМАНЪ (мрачно).

Пусть пропалъ. Я не хочу объ этомъ знать. Дѣти!.. Какъ будто нѣтъ ничего высшаго, кромѣ нихъ? Пропалъ, такъ пропалъ,—къ чорту дурное! Теперь потребую изъ гимназіи бумаги Пети, а его возьму на мельницу. Пусть дураки уже учатъ своихъ дѣтей.

ЭТЕЛЬ.

Конечно. Нужно дать имъ попробовать сладость

рубля, тогда ихъ, какъ мухъ отъ меда, не отгонишь отъ дѣла.

ЭРШЪ.

Я пойду уже, господинъ Гросманъ. Желаю вамъ счастливаго пути... Можетъ быть, вы все-таки дадите мнѣ что-нибудь? Хоть пять рублей. Запахло морозами...

ГРОСМАНЪ.

И если это горе, что мой сынъ пошелъ противъ меня, я схоронилъ его глубоко въ сердцѣ. Никто не увидитъ горя Гросмана. Ступайте, Эршъ, я усталъ, хочу спать, а тутъ еще нужно подвести счеты.

ЭРШЪ.

Такъ нѣтъ? Вы тверды, какъ камень. Добраго пути вамъ. (Кланяется) Хорошаго пути... Ахъ, господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ...

(Прихрамывая, выходитъ)

ЭТЕЛЬ (равнодушно).

Прощайте, Эршъ...

(Гросманъ погружается въ работу. Пауза).

ЖЕНЯ.

Стоило такъ долго разговаривать съ нимъ. Вы нисколько не жалѣете меня. Я лежу съ простреленной рукой, рана ноетъ, сердце томится и груститъ, голова устала отъ думъ, а вамъ все равно. Эршъ вамъ дороже меня.

ЭТЕЛЬ.

Больше не буду. (Подходитъ къ ней) Больше не буду, дорогая моя, мученица моя...

ГРОСМАНЪ (громко).

Не кричите. У меня еще столько работы, а я спать хочу.

(Стучитъ на счетахъ)

ЭТЕЛЬ (тихо).

Онъ, бѣдный, правъ. (Еще тише) Яша два раза прибѣгалъ, а я не хотѣла его и впустить... О, я ему не прощу твоей раны!..

ЖЕНЯ.

Зачѣмъ такъ строго, мама? Вѣдь онъ тоже измучился... Я стрѣлялась! Развѣ это правда? (Крикливо) Я стрѣлялась? Мама, что было бы теперь со мной, если бы пуля попала въ сердце? Я лежала бы въ могилѣ? Я въ могилѣ? (Вздрагиваетъ) Вотъ эти руки глодали бы черви? Въ глазахъ кишѣли бы черви, красота превратилась бы въ тлѣнъ? (Вздрагиваетъ) Какъ хорошо, что выстрѣлъ былъ неудачный! Мама, теперь я люблю жизнь. Я люблю. Какъ прекрасенъ міръ!.. Есть солнце, есть даль; есть море!..

ЭТЕЛЬ.

Радость моя!..

ЖЕНЯ.

Я о многомъ передумала, мама. Зачѣмъ я ссорилась съ Яковомъ? Подумай, во имя чего? Развѣ земля не одинаково закроетъ и пошлость и благородство, и высокое и низкое? Пощадятъ ли красоту черви? (Раасмѣялась) Ты вѣдь меня не понимаешь, бѣдная мама. Я дрожу отъ восторга. Я пьяна отъ радости. Я живу, живу!.. (Меланхолично) Скучаю по дѣтямъ. Хочу ласки. Обними меня.

ГРОСМАНЪ.

Перестаньте жужжать. Передъ отъѣздомъ нужно привести въ порядокъ денежныя дѣла, подвести итоги. Бумагъ у меня на триста тысячъ. Я никогда не пробовалъ сосчитать свое богатство, но, слава Богу, Гросманъ таки собралъ денежки. Ничего, Гросманъ знаетъ свое дѣло. Наличными имѣю во французскомъ и англійскомъ банкахъ около четырехсотъ тысячъ, итого семь-

сотъ тысячъ. Ого, ничего себѣ! Мельницу считать не буду. Купленной земли тоже. Домовъ считать не буду. Теперь посмотримъ, что у насъ въ кассѣ дѣлается. Ступай-ка сюда, Этель,—поможешь мнѣ.

ЖЕНЯ.

Опять деньги. Поговорите лучше со мной.

ЭТЕЛЬ

(идетъ къ мужу. Со смѣхомъ).

Деньги!.. Деньги вѣдь Богъ!.. Дурочка! Что ты говоришь? (Гросманъ открылъ дверь кассы) Деньги!.. (Стоитъ съ мужемъ подлѣ кассы и оба роются въ ней) Лучшее мое удовольствіе, — считать деньги. Ты, Давидъ, возьми бумажки и золото, а я возьму серебро. Что-то серебро люблю больше. Женичка! Ты никогда не пробовала считать. Хоть разъ попробуй. Такъ тебѣ хорошо станетъ, такъ весело...

ЖЕНЯ

(съ напыщеннымъ презрѣніемъ).

Считать деньги. Никогда!... (Колеблется) А можетъ быть, попробовать? На душѣ скучно. Томится моя душа. (Вздыхаетъ) Что-то мои дѣти подѣлываютъ? Скучаетъ ли Яковъ?

ЭТЕЛЬ (радостно).

Садись, садись, Женичка, попробуй. Деньги!.. (Упивается этимъ словомъ) Вѣдь это деньги!..

ГРОСМАНЪ

(считаетъ съ озабоченнымъ лицомъ).

Одна тысяча... Мы потеряли сына...

ЭТЕЛЬ

(считаетъ. Грустно).

Можетъ быть, Богъ дастъ, онъ опомнится. Какъ мнѣ его жаль. Живетъ теперь онъ въ самой худшей и дальней комнатѣ, обѣдаетъ одинъ. Я готова плакать, когда слышу его шаги... Сто рублей.

ГРОСМАНЪ.

Съ Гросманомъ они ничего не подѣлаютъ. Гросманъ — это Гросманъ... Двѣ тысячи. Гросманъ плюетъ на забастовки, на революціи, на погромы. Уѣдемъ на время, поселимся въ Швейцаріи и, когда вернемся, то сдавимъ всѣхъ ихъ въ кулакѣ.

(Продолжаетъ считать)

ЖЕНЯ

(встала, сѣла возлѣ матери. Перебираетъ золото здоровой рукой).

Мама, посмотри, сколько тутъ? Десять или пятнадцать рублей? (Смѣется). Я совершенно не умѣю считать. (Со вздохомъ) Придетъ ли сегодня Яковъ?

ЭТЕЛЬ.

Что скажешь на свою дочь? Она не умѣетъ считать денегъ!

ГРОСМАНЪ.

Пять тысячъ. (Поднимается и достаетъ изъ кассы деньги и драгоцѣнности) Ого, сколько еще денегъ осталось!.. Ну, Этель, кого мы боимся? А когда-то? Помнишь на чемъ я, бывало, спалъ? (Смѣется) Жалѣлъ тюфякъ и спалъ на доскахъ. А помнишь, какъ мы въ восемь часовъ тушили огонь, чтобы поменьше керосину уходило? Ты, Женя, этого не можешь помнить. Тебя еще на свѣтѣ не было, когда твой отецъ началъ дѣлать деньги...

ЭТЕЛЬ.

Богъ хорошо знаетъ, кому нужно дать денегъ!.. Сидитъ наверху, но понимаетъ своихъ людей. (Считаетъ) Еще сто рублей. (Откладываетъ ихъ въ сторону) Не провѣряй, Давидъ, я никогда не ошибаюсь.

ЖЕНЯ (весело).

Папа, вотъ тутъ сто рублей золотомъ. Но какъ трудно считать, если бы ты зналъ. Однако пріятно. (Въ раздумьи) Какъ странно, что съ этой кучкой золота можно купить все, что угодно.

ЭТЕЛЬ.

На деньги купить можно все.

ЖЕНЯ.

Рѣшительно все.

ГРОСМАНЪ.

Даже звѣзду съ неба. Я еще насчиталъ пять тысячъ, итого десять тысячъ.

ЭТЕЛЬ (со вздохомъ).

Если бы еще рабочіе наши не бунтовали.

ГРОСМАНЪ.

Пусть бунтуютъ. Я ихъ разотру въ порошокъ. Ты не вѣришь? Тебя пугаетъ то, что кругомъ происходитъ? Смотри глубже!

ЭТЕЛЬ.

Куда глубже?

ГРОСМАНЪ.

Вотъ туда. Работай головой. Все, что происходитъ теперь, полезно. И даже эти погромы—тоже хороши. Что ты глаза вытаращила?

ЭТЕЛЬ.

Ты съума сошелъ...

ГРОСМАНЪ (угрюмо).

Я говорю, что это хорошо. Пусть, пусть!.. Тогда мы все возьмемъ въ руки.

ЭТЕЛЬ.

Оставь меня лучше въ покоѣ. Что, Женичка, веселѣе тебѣ?

ЖЕНЯ

(считаетъ, Невинно).

Какъ будто веселѣе!.. Зачѣмъ я стрѣлялась?

ЭТЕЛЬ.

Больше уже не будешь, радость моя? Ты вѣдь у

меня отняла три четверти жизни. Прибѣгалъ Яковъ. Онъ думаетъ, что я тебя отдамъ ему. Разводъ мы ему дадимъ, вотъ что. Отыщемъ тебѣ другого мужа и помоложе, и получше.

ЖЕНЯ.

А мнѣ его жалко. Я теперь все время думаю о немъ

ЭТЕЛЬ.

Я тебѣ не позволяю... О немъ?.. Есть о комъ думать.

ГРОСМАНЪ.

Двадцать тысячъ. Больше уже нѣтъ денегъ. Сколько у васъ?

ПЕТЯ

(входитъ. Онъ въ цивильномъ. Останавливается пораженный).

Деньги!.. Сколько денегъ!.. Папа, завтра мы, навѣрное, уѣзжаемъ?

ГРОСМАНЪ.

Конечно... Не кричи и не мѣшай. (Оглядываетъ его довольнымъ взглядомъ). Ну, скажи, Этель, не лучше ли ему въ этомъ костюмѣ, чѣмъ въ дурацкой тужуркѣ? Военный не военный, власти нѣтъ, а самъ прохвостъ. Доволенъ ты, Петя, что уже больше не будешь учиться въ гимназіи?

ПЕТЯ.

Страшно. Очень надо долбить эти глупости. Папа, сколько тутъ денегъ? Папа, дай мнѣ подержать ихъ въ рукахъ.

ЭТЕЛЬ (смѣется).

Нѣтъ, нѣтъ...

ПЕТЯ.

Не слушай ее. Она насъ всегда лишаетъ удовольствій. Дай близко посмотрѣть эти большія пятисотъ-рублевыя бумажки. (Гросманъ даетъ) Пятьсотъ рублей! Здѣсь такихъ десять. Значитъ, пять тысячъ? Папа, у меня тоже будетъ столько денегъ?

ГРОСМАНЪ.

Отдай! Ты можешь нечаянно разорвать,—а я не люблю держать въ кассѣ разорванныя бумажки...

ЭТЕЛЬ.

Конечно, будутъ. Въ сто разъ больше будешь имѣть. Для кого мы работаемъ? Все вѣдь вамъ останется. Что-то лицо у тебя усталое. Ступай, дорогой, спать. Подойди, я тебя поцѣлую.

ПЕТЯ.

Только не въ губы. (Подставляетъ щеку) Спокойной ночи!..

ЭТЕЛЬ.

Спокойной ночи, дорогой мой. (Онъ выходитъ) Когда его вижу, Давидъ, я какъ-будто становлюсь моложе. Люблю своего послѣдненькаго.

ГРОСМАНЪ (ворчливо).

Стоитъ! Пусть раньше покажетъ, что умѣетъ хорошо вертѣть головой. Тогда можно и любить.

ЭТЕЛЬ.

А мнѣ все равно. Кажется, если бы даже онъ былъ воромъ, разбойникомъ и тогда душа не переставала бы дрожать надъ нимъ, любить его...

(Входитъ Розеновъ. Видъ у него измученный, усталый. Замѣтивъ Женю, сидящую за столомъ, останавливается изумленный. Радость овладѣваетъ имъ)

РОЗЕНОВЪ.

Женя, Женя!..

ЭТЕЛЬ

(увидѣвъ его, вскочила).

Что? Опять пришелъ? Ступай, ступай. Никто не по-

сылалъ за тобой. Ты здѣсь никому не нуженъ. Женички ты не получишь.

(Женя испуганно вскакиваетъ)

РОЗЕНОВЪ.

Теща, прошу васъ. Вѣдь это же невозможно.

ЭТЕЛЬ.

Кто проситъ? Ты вѣдь палачъ, а не человѣкъ. Замучить такую нѣжную душу, такое доброе сердце. Кто она? Дрянь какая-нибудь? Подкидышъ, нищенка? А что ты сдѣлалъ съ ней? Довелъ ее до того, что она стрѣлялась. Лучше мнѣ ослѣпнуть, чѣмъ видѣть тебя. Или мы тебѣ денегъ мало дали за ней? Взялъ тридцать тысячъ и все не насытился. Любовницы тебѣ нужны были, безсовѣстный!..

ЖЕНЯ

(закрываетъ лицо руками, плачетъ. Подходитъ къ кушеткѣ и безсильно опускается на нее. Сквозь слезы).

Мама, мама!.

ЭТЕЛЬ.

Будь спокойна, моя дорогая дочь. Теперь тебѣ нечего бояться... Твоя мать тебя защищаетъ. (Къ Розенову) Ну, что скажешь, милый зять? Кусаешь свои губки? Кусай, кусай, Но хоть и вытянись здѣсь,—ты ее не получишь.

ГРОСМАНЪ

(закрываетъ кассу).

Не кричи, Этель. Все можно сдѣлать безъ шума. Я бы еще сказалъ такъ. (Раздѣльно) Не наше это дѣло. Я смотрю и не вижу, я слушаю и не слышу.

РОЗЕНОВЪ.

Женичка!.. Выслушай меня.

ЭТЕЛЬ.

Лучше помолчи, Давидъ. Въ дѣлахъ ты старшій,

дѣлай, какъ знаешь, а здѣсь не вмѣшивайся. Какъ? Молчать!.. Я буду молчать, когда изъ-за такого палача дочь моя стрѣлялась? Глаза ему вырву, я буду кусаться какъ кошка...

РОЗЕНОВЪ (возмущенный).

Вы меня облили уже такой грязью...

ГРОСМАНЪ.

Она можетъ. О! она можетъ.

ЭТЕЛЬ

(сложила руки на груди).

А чѣмъ тебя облить, мой милый зять? Дорогими духами? Не дождешься этого. Откушу твой носъ изъ-за моихъ дѣтей.

ЖЕНЯ

(ломаетъ руки).

Мама, я несчастна, я несчастна...

ЭТЕЛЬ.

Какъ она поблѣднѣла отъ испуга!.. (Къ Розенову) Всю жизнь тебѣ, палачъ, имѣть такое удовольствіе, какое я теперь имѣю. Посмотри-ка, Давидъ, какъ она побѣлѣла!.. (Къ Женѣ) У тебя кружится голова? Нѣтъ? Отчего же глаза у тебя бѣгаютъ, какъ у безумной? (Къ Розенову) Смотришь, палачъ, на свою жертву?

РОЗЕНОВЪ (сердится).

Вы кончили, теща, или еще будете продолжать? Теща, вы себѣ очень много позволяете. Вѣдь я могу разсердиться и показать, что умѣю ругаться не хуже вашего. Но ради нея, ради этой бѣдной женщины, которая столько страдала, и которую я люблю, я готовъ терпѣть. Почему вы молчите, тесть?

ГРОСМАНЪ

(заложилъ пальцы за жилетку).

Все это не мое дѣло. Ругайтесь, цѣлуйтесь,—не мое

дѣло. Сейчасъ я хочу спать и думаю о томъ, что вы мнѣ мѣшаете.

РОЗЕНОВЪ.

Но, тесть...

ГРОСМАНЪ

(схватился за голову).

Оставьте меня въ покоѣ, оставьте меня!..

ЭТЕЛЬ.

Ты, положимъ, тоже хорошій сумасшедшій...

РОЗЕНОВЪ

(съ сдержаннымъ гнѣвомъ).

Хорошо, отлично. Я вижу, на что Женичка тутъ можетъ разсчитывать. Отлично. Хорошій отецъ, хорошая мать. Но Богъ съ вами!.. Если бы Женичка меня хоть чуточку уважала, она бы отослала васъ, и я увѣренъ, что эта глупая ссора закончилась бы добрымъ миромъ. Но Женѣ пріятно, что ея мужа поносятъ, какъ послѣдняго человѣка. Я запомню это. Вамъ же, теща, я на прощанье скажу, что вы совершаете преступленіе. Разводить дочь съ мужемъ, превратить невинныхъ дѣтей въ сиротъ,—это грѣхъ. Прощайте!

ГРОСМАНЪ (равнодушно).

Стоитъ уходить!..

ЭТЕЛЬ.

Пусть грѣхъ, пять грѣховъ,—лишь бы не видѣть твоихъ разбойничьихъ глазъ...

РОЗЕНОВЪ (вернувшись).

Но чѣмъ это кончится, темный вы человѣкъ? Вы обдумали? Вы берете послѣдствіе на себя? А если я ей не дамъ развода? Что тогда скажете? А ей что предстоитъ? Жить вѣчно на хлѣбахъ у васъ? Наблюдать, какъ всѣ устраиваются, счастливы, и въ концѣ отъ горя пустить себѣ вторую пулю въ лобъ?

ЖЕНЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, не хочу этого!.. Мама, пусть онъ замолчитъ!..

ЭТЕЛЬ.

Не бойся его. Онъ дастъ разводъ. Хотѣла бы видѣть, какъ онъ не дастъ, если мы хорошо заплатимъ ему. Тогда выдадимъ тебя замужъ. Не вѣришь, Яковъ? Да у нея завтра будетъ сотня жениховъ. Теперь уже не будемъ дураками, искать доктора въ зятья. Возьмемъ коммерсанта, и онъ ей ножки будетъ цѣловать. Теперь уже мы поняли. Что такое докторъ? Разбойникъ, грубый человѣкъ. Чѣмъ образованнѣе, тѣмъ грубѣе. Мой Давидъ никогда не учился, не переступалъ порога университета, а на биржѣ не игралъ. Ты же докторъ, докторъ, университетскій человѣкъ—сталъ биржевикомъ!.. Нѣтъ, дорогой мой, никакихъ докторовъ, никакихъ адвокатовъ больше. Нѣтъ, нѣтъ...

РОЗЕНОВЪ (сердится).

Выдумали чѣмъ упрекать!.. Ну и биржевикъ! Развѣ быть фабрикантомъ лучше? Развѣ лучше владѣть мельницей? Посмотрите-ка, что у васъ происходитъ? Вы-то свой хлѣбъ какъ зарабатываете?.. Почему грозятъ разнести вашу мельницу? Вы-то не грабите, не душите? Вашъ хлѣбъ чище, чѣмъ хлѣбъ биржевика? Не понимаю васъ!.. (Пожимаетъ плечами)

ЭТЕЛЬ.

Но ты вѣдь былъ докторомъ! Ты сидѣлъ на скамейкѣ въ университетѣ.

РОЗЕНОВЪ (злится).

Въ университетѣ, докторомъ! Что вы понимаете въ докторѣ? Развѣ докторъ, адвокатъ, инженеръ,—выше фабриканта, купца? Въ большинствѣ они такіе же молодцы, какъ и тѣ. Докторъ!.. Пойдите и посмотрите-ка у кого есть практика, разузнайте, какими путями они

добиваются, и тогда упрекайте, темный вы человѣкъ... Вы хотите быть богатыми, но я тоже этого хочу. Не признаете моихъ денегъ, когда ихъ у меня будетъ десятками тысячъ, что-ли? Подождите съ десятокъ лѣтъ... Посмотримъ, кто окажется богаче, я или вы.

ГРОСМАНЪ (зѣваетъ).

А я хочу спать. Кончай, Этель, и идемъ.

ЭТЕЛЬ.

Ты только сонъ свой знаешь. Ты вѣдь отецъ. Подожди.

ГРОСМАНЪ (насмѣшливо).

Я не отецъ...

РОЗЕНОВЪ.

Всѣ эти разговоры, теща, не подвигаютъ дѣла. Пусть Женя скажетъ, что согласна поѣхать домой. Домъ безъ нея, какъ могила. Дѣти плачутъ, страдаютъ. Мнѣ днемъ на улицѣ стыдно показаться. Мы разоряемся. (Къ Женѣ) Женя, поѣдемъ домой. Поѣдемъ!..

ЖЕНЯ (колеблется).

Я... я не знаю. Мама, что ты скажешь? Нѣтъ, не говори. Я замучилась безъ дѣтей. Бѣдненькія, какъ они живутъ безъ своей мамы. Мама, помоги же мнѣ.

(Заплакала)

ЭТЕЛЬ (всплакнула).

Дѣлай, Женичка, какъ тебѣ сердце подсказываетъ а я всегда благословляла тебя и теперь благословлю.

ЖЕНЯ (плачетъ).

До чего меня довели. Посмотри, Яша, мою руку. Я, кажется, останусь калѣкой. (Плачетъ) А если поѣду домой, не начнешь по-старому: Жанна д'Аркъ, Шарлотта Кордэ?

РОЗЕНОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, этого больше не будетъ, клянусь тебѣ.

Только ты будь благоразумна. Развѣ тебѣ не все равно, чѣмъ я занимаюсь, если могу откладывать тысячи? Ты наслаждайся, пользуйся своей молодостью. (Умоляетъ) Поѣдемъ, Женичка...

ЖЕНЯ.

А не будешь больше скупиться?.. Нѣтъ? Знаешь, выбросимъ картины изъ гостиной, и купимъ Левитана.

РОЗЕНОВЪ.

Куплю, выброшу, — все что хочешь. Теперь наклевывается у меня такое дѣло, такое дѣло...

ГРОСМАНЪ (съ любопытствомъ).

Какое?

РОЗЕНОВЪ (смѣется).

Вотъ этого, тесть, не могу вамъ сказать. Развѣ вы разсказываете о своихъ планахъ?

ГРОСМАНЪ.

Ты правъ. Я никогда не разсказываю о своихъ планахъ.

ЭТЕЛЬ.

Что у тебя хорошая голова, противъ этого никто не спорилъ. Ты весь пошелъ въ свою мать.

ЖЕНЯ

(стоявшая задумчиво).

Ну, ѣдемъ домой. Рѣшила!.. Мама, я счастлива!.. Я увижу своихъ дѣтей. Принеси мнѣ ротонду.

(Этель быстро выходитъ)

ЖЕНЯ (вспомнивъ).

Ну, а... она?

РОЗЕНОВЪ (тихо).

Выгналъ ее. Конечно, выгналъ. Выгналъ, выгналъ!..

ЖЕНЯ.

Яша!.. (Обнимаетъ его. Входитъ Этель съ ротондой) Ѣдемъ, ѣдемъ. Мама, я прощаю тебѣ, но ты съ нимъ

была очень груба. Я едва сдержалась. Вѣдь этой мой мужъ.

ЭТЕЛЬ (пораженная).

Что скажешь на свою дочь, Давидъ?

ГРОСМАНЪ

(тонко улыбается).

Ничего не скажу...

РОЗЕНОВЪ.

Прощайте, тесть. На васъ, теща, я еще сержусь, но помиримся, помиримся...

ЖЕНЯ.

Прощай, папа, прощай, мама. Я такъ счастлива... Ахъ, какъ я счастлива!..

ГРОСМАНЪ (равнодушно).

Прощайте, дѣти, не ссорьтесь больше.

ЭТЕЛЬ

(провожаетъ яхъ до двери).

Помиримся. А когда у тебя будетъ новый сынъ, тогда и расцѣлуемся.

(Всѣ смѣются. Розеновы уходятъ)

ЭТЕЛЬ.

Ну, слава Богу, все хорошо кончилось. Но хоть натѣшила свое сердце. Такой мерзавецъ! Однако, пусть будетъ мерзавцемъ, лишь бы она его любила и была счастлива.

ГРОСМАНЪ.

Все это пустяки. Я видѣлъ, что они помирятся. Вѣдь оба стоятъ другъ за друга... А если хочешь сказать слава Богу, то слава Богу. Идемъ спать. Скажи слугѣ, чтобы насъ пораньше разбудили. (Задумчиво) Почему Яковъ сказалъ, что хотятъ разнести мельницу?

(Подходитъ къ окну. Отдаленный шумъ)

ЭТЕЛЬ (останавливается).

Гдѣ-то кричатъ...

ГРОСМАНЪ (у окна).

Пусть кричатъ! (Говоритъ въ окно) Шумите, рабочіе? (Разсмѣялся) Шумите дѣти, шумите!.. Гросманъ спокойно будетъ спать.

ЭТЕЛЬ

(потушила электричество, оставила горящей одну лампочку).

Ну и день сегодня. Ты спряталъ ключи отъ кассы?

ГРОСМАНЪ (весело).

Спокойной ночи, рабочіе!.. (Грозно) Прощайте, мерзавцы!..

(Гросманъ тушитъ послѣднюю лампочку. Оба безъ шума выходятъ. Входитъ горничная со свѣчой, закрываетъ ставни, разставляетъ стулья по мѣстамъ и выходитъ. Пауза. Возвращается Гросманъ. Онъ въ халатѣ, въ туфляхъ, въ рукахъ свѣча. Бродитъ по комнатѣ. Провѣряетъ, заперта ли касса, хорошо ли ставни закрыты. Входитъ Александръ).

ГРОСМАНЪ (испуганно).

Кто тамъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Папа...

ГРОСМАНЪ.

Вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ.

Папа...

ГРОСМАНЪ.

Вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ.

Я уйду, но смягчись. Сотни людей останутся безъ хлѣба, если ты уѣдешь. Надо быть человѣчнымъ. Уступи, я прошу, папа. Папа, они въ отчаяніи. Они готовы на безумство...

ГРОСМАНЪ.

Какіе-то люди шляются по ночамъ и не даютъ покоя. Человѣку заснуть нужно, а они стучатъ, ходятъ, пугаютъ...

АЛЕКСАНДРЪ.

Зачѣмъ ты притворяешься? Смягчись, смягчись. Они въ отчаяніи...

ГРОСМАНЪ.

Какъ будто здѣсь обыкновенная комната, столовая, передняя, а не кабинетъ, гдѣ моя касса. Развѣ трудно ее разбить ломомъ и забрать деньги. (Тушитъ электрическую лампочку. Съ крикомъ) Кто здѣсь? Вонъ!..

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ первый разъ я почувствовалъ ужасъ отъ мысли, что я твой сынъ...

(Быстро уходитъ. Гросманъ со свѣчой въ рукѣ стоитъ и долго смѣется. Медленно уходитъ. Кабинетъ во мракѣ. Пауза. Входитъ Маша. Зажигаетъ электричество. Она въ бѣломъ платьѣ, на ней ротонда, въ рукѣ дорожная сумка. Садится на кушеткѣ и прислушивается. Входитъ Вайцъ. Озирается. Онъ блѣденъ отъ испуга)

МАША.

Наконецъ то... Вайцъ. Мнѣ показалось, что вы уже не придете.

ВАЙЦЪ (робко).

Я долго колебался.

МАША

(не слушаетъ его).

Какъ тихо, очаровательно!.. Сейчасъ мы выйдемъ отсюда и лошади унесутъ насъ далеко, далеко...

ВАЙЦЪ (несмѣло).

Маша!..

МАША.

Осмотримъ эту комнату. Въ послѣдній разъ. Вотъ касса. (Останавливается передъ ней) Отсюда исходило наше несчастіе. Мнѣ хочется проклясть ее. Вайцъ, бѣдняки называютъ отца королемъ... Вотъ гнѣздо короля. Желѣзная касса, счеты, письменный столъ... Бѣдные люди!.. Ахъ, Вайцъ, мы-то, мы уѣдемъ отъ этой проклятой власти. Я вздохну глубоко. Сейчасъ на улицѣ я скажу торжественно: я человѣкъ!..

ВАЙЦЪ.

Позвольте мнѣ сказать вамъ одно слово, Маша.

МАША

(быстро оглядываетъ его).

Опять о дѣйствительности? Нѣтъ, не говорите о ней. Я умоляю... Какъ страшно думать о дѣйствительности. Вайцъ, вы будете сильнымъ, я хочу. Выпрямитесь!.. Почему вы не въ пальто?

ВАЙЦЪ.

Милая Маша, не сердитесь на меня, я весь день страдалъ. Мы не можемъ бѣжать.

МАША (тихо).

Мы не можемъ бѣжать!..

ВАЙЦЪ.

Вы не сердитесь и это хорошо. Не могу! Я, Маша, ничего не могъ въ жизни... Я, Маша, всегда остаюсь позади... Я человѣкъ за флагомъ...

МАША (задумчиво).

Я это раньше знала. Человѣкъ за флагомъ. Почему же я пришла? Вайцъ, сказать правду? Я люблю васъ за слабость!..

ВАЙЦЪ (грустно).

Я хотѣлъ быть сыномъ своего народа, милая Маша, и вотъ я репетиторъ-гувернеръ. Я хотѣлъ быть гра-

жданиномъ,—вся сила его негодованія бушуетъ во мнѣ, и радость его предчувствій живетъ во мнѣ,—и вотъ я гувернеръ. Маша, для моихъ радостей, для моего утѣшенія осталось одно: Европа!.. Я беру ее. Я остаюсь здѣсь во тьмѣ, среди ужасовъ, но думаю: есть свободная Европа, когда-нибудь она коснется и меня своимъ благословеннымъ крыломъ. Не горюйте, Маша. Вы теряете Вайца, только Вайца!..

МАША.

Вернусь въ свою комнату и мнѣ будетъ немножко стыдно. Подойдите, я обниму васъ (Онъ подходитъ). Я цѣлуюсь съ гувернеромъ. (Смѣется) Въ послѣдній разъ, Вайцъ. (Въ забытьи) Завтра мы уѣдемъ. Я увижу Швейцарію. Вайцъ, видите ли вы эти высокія зеленыя горы? Внизу блеститъ озеро... Спускается ночь, спускается ночь... Какъ явственно пахнетъ водой. Вайцъ, мы сидимъ надъ озеромъ!.. Я цѣлуюсь съ гувернеромъ...

ВАЙЦЪ.

Милая Маша, позвольте мнѣ сказать вамъ. Вы плачете, но, можетъ быть, черезъ двадцать лѣтъ вы скажете: Вайцъ поступилъ хорошо.

МАША

(смѣясь и плача).

И все-таки мнѣ тяжело разстаться съ вами. Вы жалкій, можетъ быть, презрѣнный, но что-то есть хорошее въ вашей душѣ, что-то прекрасное. Ахъ, Вайцъ...

ВАЙЦЪ.

Не плачьте, Маша. Завтра вы проснетесь въ прекрасной Европѣ...

МАША

Я проснусь въ прекрасной Европѣ... А вы?

ВАЙЦЪ.

Я? Если бы я былъ ребенкомъ, то сталъ бы молить

васъ: Маша, возьмите меня отсюда, покажите мнѣ улицу безъ рабовъ... Покажите...

МАША (вдругъ).

Такъ не хотите бѣжать со мной?

ВАЙЦЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Вайцъ? Нѣтъ! Маша, вы увидите Европу, поклонитесь ей отъ Вайца. Поклонитесь каждому памятнику отъ истиннаго гражданина Вайца. Скажите всѣмъ, что я душой съ ними, что я тоскую о нихъ. Обнимите перваго встрѣчнаго и скажите: гражданинъ Вайцъ кланяется тебѣ...

МАША.

Обнимите меня еще разъ. Такъ нѣтъ?.. Нѣтъ!..

ВАЙЦЪ.

Нѣтъ, Маша!..

МАША.

Прощайте, Вайцъ.

ВАЙЦЪ.

Прощайте, Маша.

МАША

(уходитъ: у дверей).

Нѣтъ?..

ВАЙЦЪ.

Нѣтъ, Маша, нѣтъ. (Пауза) Нѣтъ, Маша, нѣтъ...

(Вайцъ и Маша расходятся. Темно. Долгая пауза. Доносится шумъ голосовъ. Во всей квартирѣ нетерпѣливые звонки. Вбѣгаетъ горничная. Быстро раскрываетъ ставни. Видно огромное зарево. Горитъ мельница. Всплеснула руками, убѣжала. Снова голоса. Вбѣгаютъ рабочіе. Всѣ старые, оборванные.—Среди нихъ ни одного молодого... Ропотъ).

СТАРЫЙ РАБОЧІЙ.

Гдѣ господинъ Гросманъ, гдѣ господинъ Гросманъ?

ЭТЕЛЬ

(вбѣгаетъ. Увидѣвъ зарево, присѣдаетъ отъ ужаса. Съ крикомъ и воплемъ).

Боже мой, Боже мой!.. (Подбѣгаетъ къ окну. Всплеснула руками. Плачетъ) Я же ему говорила: Давидъ, не имѣй дѣло съ этими разбойниками. Не хотѣлъ онъ меня послушать!..

ГОЛОСА.

Мадамъ Гросманъ!.. Хозяйка!.. Я самъ видѣлъ, какъ эти черти подожгли мельницу...

(Ропотъ толпы. Быстро входятъ Вайцъ и Маша)

МАША.

Что это такое? Мама, пожаръ? (Подбѣгаетъ къ Вайцу) Вайцъ, это прекрасно!..

ВАЙЦЪ.

Какой ужасъ!..

ЭТЕЛЬ

(плачетъ. Къ Вайцу).

Я говорила, я просила мужа: уступи, Давидъ, уступи..

ГРОСМАНЪ

(вбѣгаетъ. Онъ въ ночной сорочкѣ. Какъ раненый оглядывается. Страшная тишина).

Что? Пожаръ!.. Что? Мельница!..

(Подбѣгаетъ къ окну и ударомъ кулака раскрываетъ его. Застываетъ въ неподвижности. Тихій ропотъ толпы. Отступаетъ на шагъ. Складываетъ руки на груди и смотритъ. Зарево растетъ. Старый рабочій осторожно подходитъ къ Гросману и раболѣпно цѣлуетъ его рукавъ).

ГРОСМАНЪ

вздрагиваетъ. Оглянулся и тяжелымъ взглядомъ обводитъ рабочихъ. Отрывисто).

Что надо?

ГОЛОСА.

Господинъ Гросманъ... Они подожгли! Хозяинъ, мы не виноваты. Я самъ видѣлъ. Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ!..

ГРОСМАНЪ (передразниваетъ).

Господинъ Гросманъ, господинъ Гросманъ!.. А гдѣ вы были?.. Молчать!.. Мерзавцы, подлецы, скоты, черная сволочь... Гдѣ вы были? Почему допустили?.. Не подкупали васъ, не бѣгали за вами, не заглядывали въ глаза?.. (Умоляющій ропотъ толпы) Молчать холопы, черви, подонки черные, голодные, каторжники, ослы... Гросманъ остается Гросманомъ. Онъ смѣется надъ вами... Что онъ потерялъ?.. Онъ плюетъ на васъ!

(Наступаетъ на нихъ. Тихій ропотъ. Этель вскрикнула).

ГРОСМАНЪ.

Молчать! Вы думали, что Гросманъ испугается и скажетъ: сдаюсь! Врете! Гросманъ не сдается! Мерзавцы, Гросманъ не сдается... (Безсмысленно оретъ, топаетъ ногами)

ЭТЕЛЬ

(съ крикомъ подбѣгаетъ къ нему).

Давидъ, Давидочка!..

ГОЛОСА.

Господинъ Гросманъ!.. Хозяинъ... Это молодые черти... Хозяинъ, хозяинъ...

(Ропотъ. Гросманъ продолжаетъ топать ногами и грозить).

ЗАНАВѢСЪ.

КОНЕЦЪ.

Изданія товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 32).

Списокъ отъ 1 марта 1907 г.

	Цѣна.
Сборникъ т-ва «Знаніе»: Книги I—XVII	по 1 р. — к.
„Нижегородскій сборникъ“	1 „ — „
М. Горькій. Разсказы и Пьесы. Томы I—VII	по 1 „ — „
М. Горькій. На днѣ. Картины	1 „ — „
М. Горькій. Мѣщане. Драм. эскизъ въ 4 акт. Только въ перепл.	— „ 60 „
Л. Андреевъ. Разсказы и Пьесы. Томы I—IV	по 1 „ — „
Скиталецъ. Разсказы и Пѣсни. Томы I—II	по 1 „ — „
Е. Чириковъ. Разсказы и Пьесы. Томы I—VII	по 1 „ — „
Ив. Бунинъ. Разсказы и Стихотворенія. Томы I—III	по 1 „ — „
Н. Телешовъ. Разсказы. Томъ I	1 „ — „
А. Серафимовичъ. Разсказы. Томы I—II	по 1 „ — „
А. Куприпъ. Разсказы. Томы I—IV	по 1 „ — „
С. Юшкевичъ. Разсказы. Томы I—II	по 1 „ — „
С. Гусевъ-Оренбургскій. Разсказы. Томы I—II	1 „ — „
Н. Гаринъ. Дѣтство Тёмы	1 „ — „
Н. Гаринъ. Гимназисты	1 „ — „
Н. Гаринъ. Студенты	1 „ — „
Н. Гаринъ. По Кореѣ, Манчжуріи и Ляод. полуострову	— „ 60 „
Н. Гаринъ. Корейскія сказки	1 „ — „
А. Яблоновскій. Разсказы. Томъ I	по 1 „ — „
С. Елеонскій. Разсказы. Томы I—III	1 „ — „
С. Елпатьевскій. Разсказы. Томъ I	1 „ — „
С. Найденовъ. Пьесы. Томъ I	— „ 30 „
Д. Айзманъ. Разсказы. Томъ I	— „ 40 „
Эсхилъ. Скованный Прометей	— „ 40 „
Софоклъ. Эдипъ-царь	— „ 40 „
Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ	— „ 40 „
Софоклъ. Антигона	— „ 40 „
Эврипидъ. Медея	2 „ — „
Эврипидъ. Ипполитъ	— „ 40 „
Гёте. Фаустъ	по 2 „ — „
Байронъ. Манфредъ	— „ 50 „
Шелли. Собраніе сочиненій. Томы I—III	2 „ — „
Шелли. Освобожденный Прометей	— „ 80 „
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Роскошно-илл. изд.	1 „ — „
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Дешевое изданіе	— „ 60 „
Т. Шевченко. Кобзарь	— „ 50 „
Красинскій. Иридіонъ	— „ 50 „
Имре-Мадачъ. Человѣческая трагедія	— „ 40 „
Гауптманъ. Роза Берндтъ	1 „ — „
Бьернсонъ. Перчатка	— „ 65 „
Э. Золя. Углекопы Изд. 3-е	1 „ 50 „
Эрманъ-Шатріанъ. Гаспаръ Фиксъ	1 „ — „
П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Изд. 2-е	1 „ 50 „
А. Петрищевъ. Замѣтки учителя	1 „ 20 „
Мертваго. Не по торному пути	1 „ 50 „
Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы	
Штёррингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи	

Изданія товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Списокъ отъ 1 марта 1907 г.	Цѣна.
Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Т. IV: Кантъ. Ч. 1-я	4 р. — к.
Куно Фишеръ. » » » Т. V: Кантъ. Ч. 2-я	3 » 50 »
Гюйо. Исторія и критика совр. англ. ученій о нравственности.	2 » — »
Гюйо. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура	2 » — »
Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали	2 » — »
Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность	1 » 50 »
Гюйо. Искусство съ соціологической точки зрѣнія	2 » — »
Гюйо. Стихи философа	1 » — »
Мутеръ. Исторія живописи (отъ среднихъ вѣковъ). Т. I—II. по	2 » 50 »
Мутеръ. » » » Т. III.	2 » — »
Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ. Въ 4-хъ томахъ	17 » — »
Клейнъ. Астрономическіе вечера. Изд. *3-е. Распродано*	2 » — »
Клейнъ. Прошлое, настоящ. и будущ. вселенной. *Распродано.*	1 » 50 »
Юнгъ. Солнце. Изд. *2-е. Распродано.*	1 » 50 »
Никольскій. Лѣтнія поѣздки натуралиста	2 » — »
Тиндаль. Звукъ. Изд. *второе*	1 » 50 »
Гетчинсонъ. Вымершія чудовища	1 » 20 »
Григорьевъ. Краткій курсъ химіи. Изд. *3-е.*	— » 80 »
Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе. 2 тома	6 » — »
Леклеркъ. Воспитаніе и общество въ Англіи	3 » — »
Левассеръ. Народн. образов. въ цивилизованныхъ странахъ.	3 » — »
Фальборкъ и Чарнолускій. Народное образованіе въ Россіи.	1 » 50 »
» » Настольная книга по народ. образ. 3 т.	8 » — »
» » Внѣ-школьное образованіе	2 » — »
» » Учительскія семинаріи	2 » — »
» » Испытанія на званія учит. и 1 кл. чинъ	1 » 20 »
Фальборкъ и Чарнолускій. Справочныя изданія по народному образованію. *Поступило въ продажу 20 книжекъ*	— » — »
В. Чарнолускій. Итоги обществ. мысли въ обл. нар. образ.	— » 50 »
Сеньобосъ. Полит. исторія соврем. Европы, 2 т.	4 » — »
Гиббинсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англіи	1 » 20 »
Инсаровъ. Современная Франція	2 » 50 »
Курти. Исторія народн. законодат. и демократіи въ Швейцаріи.	1 » — »
Л. Новгородцевъ. Германія и ея политическая жизнь	1 » 20 »
Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ	1 » 50 »
Люксембургъ. Промышленное развитіе Польши	— » 50 »
Финляндія	3 » 50 »
Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ хозяйствѣ.	1 » 50 »
Гобсонъ. Общественные идеалы Дж. Рёскина	1 » 50 »
Дрейфусъ. Пять лѣтъ моей жизни	1 » 20 »
Штраусъ. Вольтеръ	1 » — »
П. Кропоткинъ. Записки революціонера	1 » — »
П. Кропоткинъ. Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ	1 » — »
П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣйствительность въ Русской Литературѣ	1 » — »
Дешевая библіотека беллетристическая. (*Особый списокъ*)	— » — »
Дешевая библіотека по общественнымъ вопросамъ (*Особый списокъ*)	— » — »

PG 3467 .I7 K6
Korol : C.1
Stanford University Libraries
3 6105 037 096 844

PG
3467
.I7K6

DATE DUE

Eng. Lib.
mf 4559
11-16
Cerium
Co

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

Послѣднія изданія товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

СБОРНИКИ Т-ВА „ЗНАНІЕ“. Книга XVI.—Г. Флоберъ. Искушеніе св. Антонія.—Ив. Бунинъ. Стихотворенія.—М. Горькій. Мать.—Скиталецъ. Четверо.—Д. Айзманъ. Сердце Бытія.—Л. Андреевъ. Іуда Искаріотъ и другіе.—*Цѣна 1 руб.*

Книга XVII.—М. Горькій. Мать. (*Продолженіе.*)—А. Черемновъ. Стихотворенія.—В. Вересаевъ. На войнѣ.—Н. Гаринъ. Инженеры.—*Цѣна 1 руб.*

Книга XVIII.—М. Горькій. Мать. (*Продолж.*)—В. Вересаевъ. На войнѣ. (*Продолж.*)—Н. Гаринъ. Инженеры. (*Продолж.*)—*Цѣна 1 руб.*

Книга XIX.—М. Горькій. Мать (*Продолж.*)—Н. Гаринъ. Инженеры. (*Окончаніе*).—В. Вересаевъ. На войнѣ (*Продолж.*)—Шоломъ Ашъ. Богъ мести.—*Цѣна 1 р.—Печатается.*

Книга XX.—М. Горькій. Мать. (*Окончаніе.*)—Л. Дейчъ. Четыре побѣга.—В. Вересаевъ. На войнѣ. (*Продолж.*)—*Цѣна 1 р.—Печатается.*

ШЕЛЛИ. Ченчи.—Переводъ *К. Бальмонта.—Цѣна 50 коп.*

Т. Г. ШЕВЧЕНКО. Кобзарь. Въ переводѣ на русскій языкъ. Съ портретомъ и біографіей автора.—*Цѣна 1 руб.*

Г. ФЛОБЕРЪ. Искушеніе св. Антонія. Съ французск. Переводъ. Б. Зайцева.—*Цѣна 30 к.*

П. КРОПОТКИНЪ. Записки революціонера. I т.—Съ предисловіемъ *Георга Брандеса.* Съ англійскаго. Переводъ *Діонео* подъ редакціей *автора. Цѣна 1 р.*

П. КРОПОТКИНЪ. Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ. IV т. Съ англійскаго. Переѣ. *В. Батуринскаго* подъ редакц. *автора. Ц. 1 р.*

П. КРОПОТКИНЪ. Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. V т. Съ англійскаго. Переводъ *В. Батуринскаго* подъ редакціей *автора. Цѣна 1 руб.*

П. КРОПОТКИНЪ. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. VII т. Съ англійскаго. Переводъ *В. Батуринскаго* подъ редакціей *автора. Цѣна. 1 р.*

С. НАЙДЕНОВЪ. Пьесы. I т.—Дѣти Ванюшина.—Блудный сынъ.—Номеръ тринадцатый.—Богатый человѣкъ.—[illegible] *Цѣна 1 р.*

Лица, выписывающія книги изъ склада т-ва [illegible] С.-Петербургъ, Невскій 92), за пересылку [illegible]
Книги дешевой библіотеки высылаются [illegible]
при заказѣ на сумму не менѣе одн[illegible]

Обложка печатана въ типографіи Н. Н. Клобукова, Ла[illegible]